

Сергей Ним

Следопыт
из Нью-Аламарка

Сергей Ним

Следопыт из Нью-Аламарка

«Автор»

2026

Ним С.

Следопыт из Нью-Аламарка / С. Ним — «Автор», 2026

Шон Грей — молодой следопыт на службе закона, обладающий магическим даром. Он способен видеть следы, недоступные обычному сыщику. Но у каждого одаренного есть изъян — плата за особые способности. Первое самостоятельное задание Шона кажется несложным. Однако расследование уводит его все дальше от Нью-Аламарка. Маленькие городки, лесные чащи, горные перевалы — и дело, начавшееся как задание для новичка, постепенно становится смертельно опасным. Тем временем юная Эллен Райли пытается оставить прошлое позади. Оставшись одна, она вынуждена рассчитывать только на себя. Но прошлое не желает ее отпускать. Шон и Эллен идут разными дорогами, не подозревая, что обе ведут к одной тайне. «Следопыт из Нью-Аламарка» — остросюжетный фэнтези-вестерн о людях с магическими способностями, которым приходится выбирать между буквой закона и тем, что они считают правильным.

© Ним С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Следопыт из Нью-Аламарка

Пролог

Теплым апрельским днем десятилетний Джим сидел на скамье у железнодорожной станции Пайн-Ридж и то и дело открывал и закрывал холщовую сумку с газетами «Вестник Запада». Вчера отец привел его к мистеру Эбботу, смотрителю станции, и договорился о том, что Джимми поработает помощником. Мистер Эббот сначала отнекивался, удивляясь, с чего бы ему вообще понадобился помощник, если он и так ловко управляет со всеми делами, несмотря на радикулит: и билеты продает, и на телеграфе работает, и пироги с газетами у него не задерживаются. Уж лучше он положенные помощнику деньги и дальше будет класть себе в карман — компания это позволяет, при условии что работа делается хорошо, а на его работу никогда не жаловались. Но отец был очень настойчив, согласился лишь на половину обычной платы для мальчика и предложил скидку на кукурузу в следующем сезоне. Также он шепнул мистеру Эбботу, что недавно вторично женился, супруга его молода и красива, а дом у них маленький — и почему-то именно после этих слов смотритель сдался.

И теперь Джим сидел и, нервно откидывая крышку сумки туда-сюда, дожидался поезда, следующего в Нью-Аламарк. Наконец вдали показался столб черного дыма, уходящий в синее с редкими облаками небо, послышалось машинное пыхтение и показался поезд — тут-то коленки у мальчугана и задрожали. «А что, если понадобится сдача?» — думал он, хотя смотритель и уверил его, что за двухпенсовую газету никто не попытается расплатиться долларом или четвертаком. «А что, если они спросят про расписание поезда, а я забуду?» — переживал Джим, несмотря на то что твердо заучил время обоих сегодняшних рейсов. Множество других, не менее тревожных вопросов промелькнули у него в голове к тому моменту, когда поезд наконец остановился. Рабочие выскочили на платформу, чтобы залить воду в котел. Увидев мальчика, они приветливо помахали рукой, хоть и видели его в первый раз.

Джим помахал им в ответ. Рабочих он не боялся. Он нервничал, понимая, что ему предстоит продавать газеты богатым джентльменам и особенно дамам — вот кто его пугал больше всего. Он и обычных-то фермерских девочек стеснялся, а все эти высокомерные, пышно одетые леди и вовсе вызывали у него дрожь.

Наконец, двери вагонов открылись, и пассажиры вышли размять ноги. Мальчик тут же спрыгнул со скамейки, вытащил газету и начал выкрикивать заголовки, заученные еще утром:

— Ограбление банка в Змеиной долине! Нападение на обоз в Форте Аркрайт!

От волнения голос его дрожал, волосы прилипли к вспотевшему лбу. Мимо прошли дамы, обдав его запахами, похожими одновременно на полевые цветы и керосин, мужчины в аккуратных костюмах, какой-то толстый господин с пышными усами — важный и ворчливый, но никто не обратил внимание на газетчика.

— Ты что-то перепутал, — прозвучало за его спиной.

Было в этом голосе что-то необычное, но Джим не мог понять что. Обернувшись, он увидел молодого мужчину в широкополой шляпе и коротком дорожном плаще, под которым виднелся черный костюм и угадывалась кобура. Лицо его было в тени из-за того, что он наклонился, обращаясь к мальчику, но Джим обратил внимание, что глаза у незнакомца были голубыми — почти как небо в этот безоблачный день, а волосы — светлыми, как солома.

— Нападение на караван было в Змеиной долине, еще в прошлый вторник, а вот банк ограбили в Форте Аркрайт. Хотя на самом деле это было не ограбление, а хищение.

Когда мужчина заговорил, толстый джентльмен в зеленом пиджаке резко обернулся и взглянул на него как на что-то омерзительное, совершенно не пытаясь скрыть своего неприяз-

ненного отношения. Джиму опять подумалось, что незнакомец говорит как-то странно. Бросив взгляд на газету, он понял, что действительно перепутал заголовки — вот так разволновался!

— Спасибо, сэр, — сказал он.

— Грей, не задерживайтесь! — раздался нетерпеливый оклик. Здоровый, широкоплечий усач с квадратным подбородком сверлил взглядом голубоглазого мужчину, пришедшего на выручку Джиму.

— Поезд тронется через десять минут, а нам еще телеграмму нужно отправить. Эй, мистер, пропустите-ка меня вперед, — сказал он низенькому джентльмену в котелке, — да-да, я именно к вам обращаюсь. Ну и что, что у вас дела? Я — федеральный агент, и у меня законное право воспользоваться телеграфом без очереди. Что? Да мне плевать, что вы обо мне думаете. С вашими претензиями можете пойти знаете куда? К конгрессмену.

Грей — так, видимо, звали блондина — сунул мальчишке монету и, быстро схватив газету, поспешил за злым господином. Джиму представилось, что они, должно быть, работают вместе. Вот бы и не догадался, что добрый мистер — законник, подумал Джим. Обычно законники злые, грубые, как тот со страшным квадратным лицом, а этот остановился и поправил, мол, заголовки перепутал. Интересно, откуда ему знать, где произошли эти преступления? И тут его осенило: должно быть, эти двое возвращаются из долины или Форта Аркрайт, оттуда и знают.

— Эй, мальчик! Дай-ка газету.

Высокий худой джентльмен в клетчатом костюме выхватил газету, не глядя бросил монетку, ухмыльнулся, блеснув золотым зубом, и исчез за дверью станции. Джим хотел было поднять монетку с земли, но к нему подошел еще один покупатель, затем еще один. Наконец он поднял сверкающий кругляшок и, разглядев, спохватился:

— Мистер! Вы мне дали один цент, а газета стоит два! — Негодуя, он побежал за клетчатым пройдохой в здание станции. Забежав внутрь, Джим смущенно остановился, почувствовав, что в небольшом помещении зала ожидания что-то произошло.

Мистер Эббот выглядывал из своего окошка, его пухлое старческое лицо выражало растерянность. Перед ним стояла юная леди в голубом платье, глаза ее были красными от слез.

Позади нее толстый джентльмен в зеленом пиджаке и коротышка в котелке сочувственно качали головой. В углу сидела старуха с маленькой собачкой на коленях. Рядом стояла явно богатая строгая дама с маленькой девочкой, представляющей миниатюрную копию матери — такое же темно-синее платье и такой же высокомерный взгляд. Злой законник тянул мистера Грея к выходу, но тот жестом показал, что хочет задержаться. Клетчатый пройдоха попытался выйти, однако на пути у него стояли два законника, и тот, замешкавшись, не решился попросить их отойти.

— Что вы от меня хотите, мисс? — будто оправдываясь, говорил мистер Эббот женщине в голубом платье. На голове ее дрожала от всхлипываний плоская шляпка, украшенная ярким пером. — Запереть всех присутствующих на станции и отправить мальчика за шерифом? — Он бросил на Джима короткий взгляд. — Но нельзя же, чтобы пассажиры опоздали на поезд, ведь он уедет через пять минут — с ними или без них. Пожалуйста, напишите в железнодорожную компанию, я уверен, что они компенсируют вам столь досадную утрату. — Он осторожно осведомился: — Могу ли я узнать, сколько денег было в вашем кошельке? Я мог бы сегодня телеграфировать...

— Вы не понимаете! — воскликнула она, всхлипывая. — Там были не только деньги, но и кулон, принадлежавший моему покойному брату. Он дорог как память! И это не утрата, это кража!

— Но не могу же я потребовать от этих почтенных людей, чтобы они вывернули карманы, — сказал смотритель, покраснев. Старая дама, сидевшая в углу, ахнула при этих словах;

собачка взглянула на нее, высунув язык. — Шериф мог бы что-то предпринять, будь он здесь, но ведь он далеко, а поезд сейчас уйдет.

— А к чему вам шериф? — перебил его коротышка в котелке, тот самый, что ругался с законником из-за телеграфа. — Среди нас же есть доблестный агент Федерального бюро порядка. Неужели он не в силах помочь даме? — Он ехидно уставился на злого законника.

Тот, понимая, что взгляды присутствующих устремлены на него, развел руками:

— Я занимаюсь важным расследованием, и мне некогда отвлекаться на мелкую кражу. Грей, пойдемте отсюда. — Он потянул напарника за рукав.

— Важное расследование, — язвительно произнес коротышка. Строгая дама фыркнула в тихом негодовании; ее маленькая копия, бросив на маму быстрый взгляд, тоже попыталась фыркнуть, но у нее получился резкий писк. Услышав его, собачка на коленях старухи испуганно прижалась к хозяйке.

— Тише, Молли, дорогая, успокойся, — пробубнила дама, поглаживая питомца.

Лицо злого законника побагровело, и он резко направился к обидчику, явно намереваясь его поколотить, несмотря на присутствующих женщин.

— Пойдите, Холлистер, — сказал его напарник. — Я помогу этой даме.

На этот раз Джим понял, что было не так с речью мистера Грея. Он говорил с каким-то странным акцентом, будто слова его разбегались и покачивались. Остальные тоже это заметили, но отреагировали неожиданно резко: все как один уставились на Грея; даже лишившаяся кошелька женщина прекратила плакать и вперилась в него взглядом, выразившим не то надежду, не то испуг.

— Мне почудилось или он говорит с прибоем? — услышал Джим чей-то шепот.

— Не почудилось, это дьявольская речь, — так же тихо прозвучало в ответ.

Дьявольская речь! Джим вспомнил, как однажды отец наставлял его, тогда еще совсем маленького: колдунов легко распознать по их выговору. Некоторые дети как дети, говорил отец, а к некоторым лет в семь-восемь приходит Дьявол и своим острым когтем рассекает язык — становится он у них таким же, как у него самого, — раздвоенным, навроде змеиного. Оттого эти люди потом говорят по-особому, с прибоем — так в народе называли этот выговор. Так и можно распознать среди нормальных людей колдуна: услышишь подобную речь — обходи такого человека стороной, потому как сам Дьявол его коснулся. Джиму тогда было семь лет, поэтому он боялся, как бы Дьявол не пришел к нему и не разрезал его язык. Он спросил, что нужно делать, чтобы этого не случилось. Отец откинулся в плетеном кресле, сделал большой глоток виски и серьезно сказал: «Слушайся отца и не перечь ему никогда». И с тех пор Джим его слушался и не перечил, хоть ему и было уже больше восьми, а говорили, что к большим Дьявол уже не приходит и в колдунов не превращает.

И вот теперь перед ним стоял настоящий колдун, и Джиму стало нехорошо от мысли, что он взял из его рук деньги — того гляди проклятые. Еще он пожалел, что не присмотрелся, когда тот говорил про ограбление, — не обратил внимания, правда ли у него язык раздвоенный.

— Когда вы выходили из поезда, кошелек еще был при вас? — спросил колдун.

— Да, — кратко ответила женщина.

— Вы уверены?

Пожилая женщина, сидевшая в углу, возмущенно воскликнула:

— Юноша, что вы себе позволяете? Вы думаете, моя племянница вам лжет? Кто вы вообще такой? И я правильно понимаю, что вы, судя по вашему акценту, Господи, прости меня, колдун?

Законник повернулся к старухе и, приподняв шляпу, представился:

— Меня зовут Шон Грей, я агент Федерального бюро порядка. И да, я, как вы догадались, одаренный.

— То есть колдун? — недоверчиво уточнил толстый господин. Все это время он глядел на Грея с особой неприязнью.

— Напомню, что закон давно придал наименованию «одаренный» официальный статус, — объяснил ему Грей. — Такие слова, как «колдун», «дьяволов прихвостень», «отродье ада» и подобные по отношению к одаренным, считаются нежелательными и неприличными, пережитками прошлого.

— Молодой человек прав, — неожиданно заговорила строгая дама. — В Нью-Аламарке одаренных не называют этими мерзкими словами. По крайней мере, в приличном обществе. У моего супруга есть близкий друг — он тоже одаренный.

Пожилая женщина удивленно вскинула брови и тут же пристыженно опустила глаза.

— Простите, сэр, — проговорила она, прижимая к себе собачку.

— Сущий пустяк. — Грей слегка поклонился. — Вернемся к нашему делу.

Дамочка в голубом платье кивнула:

— Да, я уверена, что кошелек был при мне. Когда я вошла сюда, тоже был при мне. Я достала деньги, чтобы купить пирог для Молли — собачки моей тетушки.

— И где вы находились, когда заметили пропажу?

— Сидела вот тут.

Она указала на короткую скамью под картой Федерации, занимающей половину стены. Штаты на ней были раскрашены в разные цвета, а территории отмечены серым.

— Кто-нибудь приближался к вам достаточно близко, чтобы дотянуться до кошелька? Я прошу прощения за вопрос, но в столь тесном помещении это вполне возможно.

— Пожалуй... — Она начала обводить взглядом присутствующих.

— Грей, у нас нет времени на эту чепуху, поезд сейчас уйдет! — воскликнул Холлистер, второй законник. Колдун, стоявший уже между леди в голубом и окошком зрителя, бросил через плечо:

— Это займет не больше двух минут. Попросите проводника немного задержать рейс.

Холлистер хотел было возразить, но передумал и вышел — Джим едва успел уйти с дороги.

— Забавное представление, но боюсь, что опоздаю на поезд, — сказал клетчатый и тоже направился к выходу.

— Пойдите! — неожиданно резко сказал Грей. — Я попрошу никого не покидать помещение еще одну минуту.

— Но ведь поезд...

— Вы не опоздаете на поезд, уверяю вас.

Мгновение поколебавшись, клетчатый поймал на себе сердитый взгляд Джима, все еще намеревавшегося получить свой пенни, как вдруг воскликнул:

— Боже мой, конечно же! Это мальчишка вас обокрал! Дамы и господа, я сам все видел, он крутился рядом с юной леди.

Он ловко подскочил к Джиму и вытолкнул его вперед, грозно сказав:

— А ну, сорванец, выверни-ка свою сумку!

Все взгляды устремились на Джима, толстяк в зеленом осуждающе зацокал языком. Грей смотрел на подозреваемого с сомнением.

— Но я к ней не подходил, — залепетал Джим, — я только что зашел с улицы.

— Да что ты врешь, — сердито возмутилась старуха, — ты тут уже с полчаса стоишь! — Все понимали, что «с полчаса» здесь мог находиться только зритель, но никто не стал ее поправлять.

— Выверни сумку, — спокойно сказал Грей.

Джим перевернул сумку, и из нее вывалились газеты.

— Вот.

— Тряхни-ка посильнее, — сказал клетчатый.

Джим тряхнул, и, ко всеобщему удивлению — к его собственному, в первую очередь, — на потертые доски пола, тихо звякнув, упал изящный бордовый кошелек.

— Воришка! — воскликнул клетчатый. Улыбка растянулась на его лице, обнажив зубы, один из которых блестел золотой коронкой.

Джим почувствовал, что дощатый пол уходит у него из-под ног. Он поглядел на мистера Эббота, ища в нем защиты, но увидел такой испепеляющий взгляд, что понял: он остался совершенно незащищен. Отец как-то говорил: не тот вор, кто украл, а тот, кто попался. А попался сейчас он — Джим. Украл он или нет — мало волновало этих людей. Он представил, как мистер Эббот запрет его в подсобке, где он просидит до вечера. А потом приедет шериф и заберет его в тюрьму, а в тюрьме он будет сидеть в окружении крыс, на ужин получит лишь воду и черствый хлеб. Джиму показалось, что у него трясутся колени. Опустив глаза, он понял, что так оно и есть.

— Всего на пять минут, — донеслось с улицы. Это Холлистер пытался уговорить проводника задержать рейс.

— Простите, сэр, но это невозможно, — отвечал тот. — Репутация компании «Уиллард и Мэйн» зависит от того, насколько точно ходят поезда. Я обязан строго придерживаться расписания.

— А я обязан вздуть как следует всякого, кто встает на пути у правосудия.

— В таком случае вздуйте Уилла Беркли, и если тот задержит свой рейс, я свой тоже задержу.

— Какого еще, черт вас побери, Уилла Беркли?

— Проводника тридцать шестого, он всего в девяти милях отсюда. Если я задержу рейс, наши поезда могут оказаться на одной линии и столкнуться, вы этого хотите? Так что если уговорите старину Уилла задержать свой рейс, то и я свой придержу. А если же нет, то дайте честному человеку делать свою работу.

Дверь распахнулась, и на пороге появился разъяренный Холлистер.

— Грей, давайте быстрее, этот чертов ублюдок и не думает задерживать поезд. — Строгая дама неодобрительно нахмурилась при этих словах, но законник не обратил на нее внимания.

— Минутку, Холлистер, — сказал Грей и, немного поколебавшись, добавил: — Снаружи нет собак?

— Нет, лошадей тоже, — ответил тот.

И вопрос, и ответ показались Джиму странными: при чем тут собаки и лошади?

— Тогда попрошу всех оставаться на своих местах. Мэм, — обратился он к старухе, — мне очень неловко вас просить, но не могли бы вы доверить вашу собачку этому джентльмену — боюсь, она может испугаться и укусить вас. — Он указал на Холлистера.

— Моя-то Молли? — удивилась она. — Что вы такое говорите? Она же добрейшее божье создание.

— И все же, — настоял Грей. — Дайте поводок...

— Я подержу ее, — сказал Холлистер, выхватив собачку из рук испуганной старушки, — давайте побыстрее уже.

Все с любопытством уставились на колдуна, лишь клетчатый опять устремился к выходу, но Холлистер с собачкой на руках перегородил ему дорогу.

— Мистер Грей сказал оставаться на своих местах.

После этого он привязал поводок к дверной ручке, да так коротко, что бедное животное едва не оказалось повешенным. Проверив надежность узла, Холлистер прислонился к косяку, будто собираясь посмотреть веселое представление.

Грей поднял руку и поводил ей в воздухе, словно ощупывая ладонью невидимую стену. Все наблюдали за странным действием, затаив дыхание. Собачка тихо зарычала, и Холлистер

опасливо отошел в сторону. Колдун подошел к тому месту, где сидела женщина в голубом, когда ее обокрали, и поводил рукой, присматриваясь к чему-то невидимому. Маленькая Молли разразилась таким лаем, будто это бешеный пес рвался с цепи. Ее пожилая хозяйка в ужасе вжала голову в плечи, не узнавая свою собачку.

— Не бойтесь, не вырвется, — сказал Холлистер.

Присутствующие удивленно смотрели то на колдуна, совершающего странный ритуал, то на собаку, в которую будто бес вселился. Грей походил по комнате, подошел к клетчатому и уверенно сказал:

— Мальчишка не подходил к этому месту, вы не могли его там видеть. Вы солгали. Более того, сами вы прошли рядом с юной леди, о чем забыли упомянуть. Я полагаю, что вы и есть вор. — Слова его прозвучали особо отчетливо, потому что собака уже перестала лаять.

Толстый джентльмен, который все это время молчал, воскликнул:

— Что за вздор! Потрудитесь объяснить, что значат эти ваши фокусы!

— Как я уже сказал, — начал Грей, — я одаренный. Мой дар заключается в том, что я вижу следы людей, невидимые обычным людям.

— А-а, так вы следопыт, — протянул коротышка, поправляя съехавший набок котелок. — Слышал про таких, но встречать не доводилось.

— Совершенно верно, я следопыт.

— Чушь! — возмущенно воскликнул клетчатый. — Вы же видели, что кошелек был у мальчишки!

— Он и юная леди не находились достаточно близко друг от друга в этом помещении. А именно здесь она лишилась кошелька.

И тут Джима осенило.

— Он подбросил мне кошелек! — воскликнул он. — Подбросил, когда толкнул! Так он еще и цент мне заплатил вместо двух за газету! Верните мне мой пенни!

— Все это чепуха, — усмехнулся обвиняемый. — Кошелек найден, расследование завершено. Вы что, собираетесь меня арестовать? За что именно? Никто же не пострадал. Вернее, пострадаю я, если опоздаю на поезд.

На лице Грея промелькнуло сомнение.

— Преступление не может остаться без наказания, но мы действительно не можем сейчас задержать и сопроводить подозреваемого, — рассеянно проговорил он.

— Грей, позвольте мне, — сказал Холлистер.

Он подошел к клетчатому и, не говоря ни слова, врезал ему кулаком по лицу. Раздался противный треск, и негодяя отбросило к стене с картой Федерации. Ударившись лицом в штат Эмберленд, он упал на пол, шляпа его покатилась в угол. Дамочка в голубом взвизгнула — кровь попала ей на лицо и запачкала платье. Строгая дама прикрыла ладонью глаза дочери. Коротышка и толстяк удовлетворенно хихикнули. Холлистер поднял кошелек, который все это время так и лежал на полу, вручил его потрясенной женщине и сказал:

— Справедливость восторжествовала. Пойдемте, Грей, я не хочу из-за вас ночевать в какой-нибудь дыре, поезд сейчас уйдет.

Грей тоже поднял что-то с пола и бросил Джиму, тот машинально поймал какой-то крошечный предмет.

— Это тебе вместо пенни.

Раздался пронзительный гудок поезда, законники и все прочие заторопились на платформу, едва не сбив мальчику с ног. Когда помещение опустело и только мистер Эббот причитал и охал, пытаясь привести в чувство негодяя в клетчатом, Джим разжал кулак и увидел, что ему бросил Шон Грей: это был окровавленный зуб с золотой коронкой.

Глава 1

1.

Громыхая колесами и выпуская клубы дыма, поезд вез пассажиров в Нью-Аламарк — столицу штата Эмберленд, прозванную «Вратами Запада». Шон Грей прожил в этом городе все двадцать два года своей жизни и знал, что в Нью-Аламарке можно встретить кого угодно: переселенцев, золотоискателей, торговцев контолийским кофе, охотников и беглых преступников. Приезжих объединяло одно: они держали путь в западные штаты и территории, привлеченные возможностями, недоступными на Востоке. Кто-то хотел застолбить участок и построить дом; кто-то стремился разбогатеть, найдя золото; кого-то привлекало, что закон обосновался на Западе еще не так крепко, как на Восточном побережье. Проезжали через город и люди, возвращавшиеся из Эмберленда, Ардианы или даже Рокленда: единицы были богачами, построившими новую жизнь; многие же покидали Запад с пустыми карманами, долгами и разбитыми надеждами.

Несмотря на то, что Восточный Эмберленд считался местом, где царит закон, работы у Грея значительно прибавилось после того, как месяц назад он перешел из городской полиции на службу в Бюро. Если раньше он покидал город редко, обычно по делам отца — владельца магазина бытовых товаров, то сейчас он проводил больше времени за его пределами. Впрочем, Уэйд Холлистер, его наставник, уверял Шона, что так даже лучше: в городе, считал он, закон связывает руки так туго, что невозможно вытащить пистолет из кобуры.

Дар проявился у Шона, когда ему было восемь лет — как и у многих одаренных. За год до этого он заговорил с необычной интонацией — слова покачивались, будто лодка на волнах. Отец его, Сэмюэль Грей, сначала подумал, что мальчик шутит, и потребовал прекратить так делать. Но ребенок не понял, чего от него добиваются. На его крики прибежала мать, Маргарет Грей. Услышав от Шона акцент, который называли прибором или дьявольской речью, она побледнела, схватила за сердце и робко спросила ребенка, не перенял ли он эту манеру речи у кого-нибудь — все-таки в Нью-Аламарке одаренные встречались не так уж редко. Однако мальчик по-прежнему не понимал, чего от него хотят родители, — сам он не замечал перемены в собственной речи.

Шону помнилось это смутно, но позже отец рассказывал ему, что весь вечер они с матерью сначала требовали, затем упрасивали, а после умоляли сына говорить «нормально», а он продолжал говорить с прибором. В конце концов, родители сдались и решили обсудить, что делать дальше.

— Дорогая, боюсь, что наш сын — одаренный, — удрученно сказал отец.

Маргарет долго молчала, затем тихо спросила:

— Ты ведь не думаешь, что его... в самом деле...

— Коснулся Дьявол? — Сэмюэль взглянул на супругу с недоумением. — Конечно, нет! Выбрось из головы эту чепуху! В это верят только необразованные голодранцы.

— Может, попытаться его переучить? Ну, ты знаешь, некоторым детям удастся избавиться от акцента. Нужно специально заниматься, есть какие-то книги об этом.

Сэмюэль Грей поднялся в полный рост, а мужчиной он был широкоплечим и высоким — ни то, ни другое Шон не унаследовал, пойдя в стройную мать.

— Не нужно его переучивать. Мы, к счастью, живем в свободной и прогрессивной стране, и нашему сыну не придется скрывать, кто он есть. Не для того мой дед сражался на войне, чтобы мы жили, как в Старом Свете с его предрассудками.

Призадумавшись, он добавил:

— Маргарет, а сколько это... длится? Сколько времени проходит между появлением прибоа и дара?

— Я не знаю, — призналась она. — Прости, но этому меня никто не учил. Боюсь, нам придется у кого-нибудь спросить.

На следующий день, оставив лавку на попечение супруги, Сэмюэль Грей надел свой лучший костюм, начистил до зеркального блеска лаковые туфли и отправился к пожилой миссис Эксли — владелице салуна, унаследовавшей столь нетипичное для леди дело от мужа. Она провела Сэмюэля в свой кабинет, одни только зеркала в котором стояли, как половина его лавки, налила, несмотря на ранний час, стаканчик виски и сказала:

— Ну что ж, мистер Грей, догадываюсь, что ваш визит связан с моим племянником Арчибальдом и вашим сыном. Передавайте ему привет от тетушки Орнеллы, в прошлый мой визит мальчишка старательно упаковал для меня коробку шпилек — сразу видно, хороший помощник растет.

— Как вы догадались, миссис Эксли? — растерянно спросил Сэмюэль.

— Я знаю, что вашему Шону семь лет — возраст, в котором начинается тихий год. — Прочитав недоумение на лице гостя, она пояснила: — Год, когда ребенок уже говорит с прибоем, но ни дара, ни изъяна еще нет. Кроме того, все знают, что мой Арчи — одаренный, и вы далеко не первый, кто заявляется ко мне с визитом вот так — переминаясь с ноги на ногу, не зная, с чего начать разговор.

— Вы правы, — ответил Сэмюэль. — Признаться, мы с Маргарет в полной растерянности, поначалу даже не могли поверить своим ушам.

На сухом лице Орнеллы Эксли появилась добрая улыбка.

— Хильда и Уинстон испытали что-то подобное с Арчи. Позвольте я облегчу ваше бремя. Можете даже не утруждать себя, задавая вопросы, я знаю их наперед. Дар у вашего ребенка проявится в течение года. Зачастую это пустяк, что-то безобидное, но при этом бесполезное, как у моего Арчибальда. Вы знаете, в чем заключается его дар?

— Нет, — признался Сэмюэль, — я только знаю, что мистер Дейн говорит с особым акцентом.

— С прибоем, мистер Грей, с прибоем — в этом слове нет ничего оскорбительного. Вы не слышали ничего о даре Арчи, потому что Господь наделил его весьма странной способностью: он может видеть сквозь воду, подобно тому, как обычный человек видит сквозь стекло. К примеру, он может разглядеть, что лежит на дне реки. Только не спрашивайте меня про океанское дно — понятия не имею, мой племянник никогда не путешествовал морем, у него особые отношения с морской болезнью. Так вот, будь он рыбаком или одним из тех лоцманов, что ведут суда по Великой Мэг, дар, возможно, ему пригодился бы. Да вот только какой от него прок на плантации в Каларе? И так у многих — дар несущественный, пустяковый, хотя бывают и исключения. Некоторые из них опасные, как у той несчастной девочки из Норвенда, которая сожгла свой дом среди ночи.

— Об этом ужасном случае я слышал.

— О нем, к сожалению, слышала вся Федерация, — покачала головой миссис Эксли. — Благодаря газетам многим кажется, что все одаренные такие, но это редкое исключение, и уверена, что вас подобная участь обойдет стороной. И все же об одном я хочу вас предупредить: опасаться нужно не дара, а изъяна. Знаете ли вы, что это такое?

— Признаться, слышал что-то, но не уверен.

— Тогда слушайте внимательно. Господь или Дьявол — мне, скажу честно, все равно — награждает одаренных не только даром, но и некой платой за его использование, его называют изъяном. Иногда он столь силен, что делает использование дара почти невозможным. К примеру, помните, я сказала, что у моего племянника особые отношения с морской болезнью?

Забавы ради он может использовать свой дар, но никогда этого не делает, потому что после его весь день преследует морская болезнь, пусть он и находится на суше. Да-да, я тоже нахожу это весьма забавным. Давайте же выпьем за то, чтобы у вашего сына был такой же пустяковый изъян!

Шон свой изъян пустяковым не считал. Впрочем, с другой стороны, и дар у него оказался намного полезнее, чем у племянника миссис Экли. Проявилась его способность через год.

Однажды он с соседским мальчиком Тимми играл в прятки на заднем дворе, где под парусиновым навесом хранились ящики и бочки, в которых отец держал какой-то хлам. Тимми умудрился спрятаться в пустом ящике — настолько маленьком, что никто бы и не додумался в него заглянуть.

Досчитав до двадцати, Шон открыл глаза и отправился на поиски. Не найдя друга ни в одном из обычных мест, он расстроился, но не сдался. Его не отпускало ощущение, что он не заметил что-то важное и непременно найдет Тимми, если постарается как следует. Насупив брови и сжав кулачки, Шон присмотрелся внимательнее — и тут глаза его расширились от удивления: в воздухе вспыхнули разноцветные следы, напоминавшие не то ленты из прозрачного шелка, вьющиеся в воздухе, не то клубящийся дым. Они колыхались, вздрагивали, замирали; одни казались поблекшими, словно ткань, выцветшая на солнце, другие же были свежими, как если бы их только что сотворили из волшебных красок. Шон обратил внимание на зеленоватый след, казавшийся самым свежим. Коснувшись его, он вдруг понял, что не просто видит, куда пошел Тимми — а след, вне всякого сомнения, принадлежал ему, — он ощущает его волнение. Позже он стал называть это запахом следа, хоть обоняние в его восприятии и не участвовало — прикоснувшись к следу, Шон мог узнать, что ощущал, испытывал человек, будь то страх, скука, радость или, как в случае с Тимми, озорное волнение, азарт игры. Зеленый след привел Шона к нужному ящику. Открыв крышку, он увидел там изумленного друга, и в этот момент раздался лай.

Обернувшись, Шон с ужасом увидел огромного пса, что мчался прямо на него. Он узнал Бадди — собаку мистера Вернона, жившего по соседству. Обычно дружелюбный и добрый, пес превратился в чудовище, готовое разорвать его в клочья. Испугавшись, Шон «отпустил» следы — исчезли цветные дымчатые ленты, угасли остатки чувств в воздухе, и собака тут же остановилась. Злобная морда стала дружелюбной, Бадди завилял хвостом, заскулил жалобно, будто извиняясь, и убежал. Так Шон Грей в один день узнал и о своем даре, и о своем изъяне.

Скрипнув тормозами и выпустив пар, поезд остановился на Южном вокзале Нью-Аламарка. Грей растолкал задремавшего Холлистера, и они вышли на платформу, заполненную людьми. В толпе мелькали соломенные шляпы, модные котелки, украшенные цветами дамские шляпки, звучала речь на разных языках. Отказавшись от услуг извозчика, агенты отправились в контору Бюро на Джексон-стрит.

— Хотел вас спросить, Грей... — сказал Холлистер. Его и без того низкий голос после сна превратился в густой хриплый бас. — Вы так уверенно разоблачили того воришку. Все и впрямь было, как вы сказали, или это был блеф?

Шон взглянул на него удивленно.

— Я сказал чистую правду, все так и было. А вы мне не поверили?

— Поверил, но сама мысль, признаться, на мгновение мелькнула, вот я и решил уточнить, уж не сочтите за грубость. Просто блеф тоже бывает весьма полезен, особенно если соперник не может проверить ваши карты, — задумчиво произнес он. — Кстати, а чем пахли следы этого воришки? Страхом?

— Уверенностью, — ответил Шон. — Боятся новички, а тот был опытным вором. Не сомневался в своей безнаказанности.

— Хорошо же, что ошибся, — заметил Холлистер, зевая. — Надеюсь, вы понимаете, что про этот инцидент Бакстеру знать ни к чему?

— Разве мы не обязаны докладывать обо всем, что происходит во время расследования?

— Раз уж я занимаюсь вашей стажировкой, позвольте дать такой урок: ваше стремление следовать правилам — похвально, но полезно оно в первую очередь для начальства. Хотите быть у них на хорошем счету — следуйте букве закона, хотите избавить общество от негодяев — следуйте его духу. — Остановившись, он перевел дыхание, достал платок и вытер пот со лба. — А хотите не вляпаться в неприятности — следуйте моим советам.

— Вы ведь тоже мое начальство, — заметил Шон.

— Это ненадолго. Вы уже уверенно стоите на ногах, и нянька вам не нужна. Вот только, если будет горячо, не лезьте в перестрелку, особенно с опытными стрелками. Дар следопыта, конечно, полезен в нашем деле, но, честное слово, такого плохого стрелка, как вы, Грей, не сыскать во всей Федерации.

2.

Старший агент Бакстер не имел собственного кабинета, как директор Кенсингтон, но занимал солидный угол на первом этаже. Его массивный стол стоял чуть криво по отношению к окну, занавешенному плотной портьерой, что поначалу вызывало у Шона желание поправить не то стол, не то портьеру, однако уже в первый день в Бюро он заметил, что «кабинет» Бакстера все обходят так, будто он обнесен невидимой стеной. Вскоре он понял почему: старший агент отличался скверным характером.

— Быстро же вы вернулись, — сказал он, когда Холлистер и Грей прошли через невидимую стену. У Бакстера был только один стул для посетителей, его занял Холлистер. Шон сначала встал позади, потом, передумав, немного сбоку.

— Дельце оказалось плевым, — пожал плечами Холлистер. — Хотя должен признать, мы бы провозились дольше, если бы не мистер Грей. Его дар оказался весьма кстати.

Шон постарался никак не реагировать на эти слова, но Бакстер все равно бросил на него оценивающий взгляд.

— Вот как? — Он удивленно поднял бровь. Бакстеру было уже за пятьдесят, лицом и телосложением он походил на уставшего пожилого бульдога. — Я понял из телеграммы, что вором оказался один из банковских клерков, но расскажите-ка подробнее, что там произошло. И какого черта в газетах пишут про «ограбление в Форте Аркрайт»?

— Никакого ограбления не было, газетчики врут, — возразил Холлистер. — Один болван решил, что если запустить лапу в кассу и вытащить бумажку-другую, то никто этого не заметит. А если заметят, то никогда не найдут виновника. Это при том, что работают там четыре человека и каждый готов сдать остальных с потрохами, стоит только показать жетон. — Он постучал пальцем по латунному жетону федерального агента на груди.

— Если они так готовы друг друга сдать, чем же помог следопыт? — спросил Бакстер. Его бульдожье лицо заинтересованно нахмурилось.

— В том-то и дело: бедолаги так рьяно пытались помочь следствию, что обвиняли друг в друга, только все усложняя. Затем Грей использовал свой дар и быстро разобрался, кто из этих остопопов — вор. Маршал его арестовал, а дальше это уже не наше дело, — закончил Холлистер, чиркнув спичкой и поднеся ее к трубке. Раскурив табак, он добавил: — Грей мог бы справиться и один.

— Вы считаете, он уже готов к самостоятельной работе?

— Вполне, парень схватывает на лету, вот только стрелок из него никудышный. Но так уж повезло, что за весь месяц я ни разу не вынул свой «Гессер» из кобуры, да и «Карлтон» Грея не пригодился. Замечательная штукавина, кстати, этот новый револьвер — в хороших руках, конечно же.

— Хорошо, Холлистер, есть одно дело, где нужна ваша помощь. Я объясню ближе к вечеру, когда придут бумаги. До этого времени вы свободны.

Холлистер поднялся со стула, кивнул в знак прощания, направился к выходу и по привычке указал Грею, чтобы тот следовал за ним.

— Нет, Грей, вы мне еще нужны, — спохватился Бакстер. — У меня есть для вас подходящее задание.

Шон бросил на Холлистера неуверенный взгляд и сел в кресло, над которым еще вился едкий табачный дым. В детстве он не переносил его запах; неприязнь к табачному дыму была так сильна, что отцу даже пришлось бросить курить. С возрастом он привык к запаху, но не настолько, чтобы курить самому.

— Успехов, мистер Грей, — уходя, сказал Холлистер. — Поосторожнее с даром, у меня все еще побаливает лодыжка.

— О чем это он? — не понял Бакстер.

— Когда мы только начали работать, он попросил меня показать, как работает мой дар. Оказалось, что под крыльцом дома спала собака, которую мы не заметили. Когда я использую дар, животные на некотором расстоянии от меня могут испугаться или прийти в бешенство.

— Ах, вот оно что, — закивал Бакстер. — Эти ваши... изъяны, да?

— Да.

— Я плохо разбираюсь во всей этой вашей магии.

— В ней никто не разбирается хорошо. Мне встречалось мнение, что мы понимаем и используем лишь малую часть дара, которая полезна с практической точки зрения, не понимая всей его глубины. Так что за дело вы хотели мне поручить?

Бакстер пододвинул к себе одну из бумаг, что лежали в стороне, и, взглядевшись в неразборчивый почерк, насупил густые брови.

— Налет на обоз в Змеиной долине помните?

— Банда Макгила? Разумеется, это ведь было на прошлой неделе. В газетах до сих пор пишут. Но бандитов нашли и арестовали. Верно?

— Не совсем. Их не арестовали, а убили — всех до единого. Нужно отдать им должное, сражались как защитники Армаделла, разве что памятник им никто не поставит.

— Я слышал только, что убили самого Макгила, главаря.

— Его тоже, к сожалению.

— Разве это плохо? — осторожно спросил Грей. — На его счету дюжина убийств, десятки ограблений.

Бакстер снисходительно фыркнул.

— Мистер Грей, сколько времени вы провели в полиции? Насколько помню, немного.

— Всего несколько месяцев.

— А до этого?

Шон смущенно потупил взгляд.

— Работал в лавке отца.

— То есть вы еще новичок в нашем деле. Позвольте прояснить, вы понимаете правосудие слишком буквально: есть преступник — значит, его нужно наказать. Иногда дела обстоят сложнее: есть преступник, он знает что-то важное, и если его сейчас наказать, то есть пристрелить или отправить на виселицу, то тайна эта так и останется между его грешной душой и Господом Богом. Вот с мистером Макгилом так и вышло. В истории с налетом есть одна странность, и Бюро нужна ваша помощь, чтобы ее прояснить.

— Разумеется, — с готовностью отозвался Шон. — Что же это за странность?

— Что обычно ищут грабители, нападая на караван, мистер Грей? — задал вопрос Бакстер, откинувшись в кресле. Не дав собеседнику даже открыть рта, сам же на него ответил: — Они ищут деньги и ценности, прежде всего. Все, что можно легко проесть, пропить, обменять

на что-то другое. Они ищут оружие, патроны и различные припасы. Они забирают лошадей, мулов, но, черт возьми, никто не грабит обозы ради книг.

— Ради книг? — удивился Шон. — Макгил ограбил обоз ради книг? Вот уж не думал, что он любит читать.

— Уточню: ради одной книги. Они, конечно, забрали и деньги, и ценности, и оружие, но свидетели говорят, что сам главарь сразу же направился к фургону, в котором некий джентльмен из Меридиана вез книги. Выглядело так, будто налет устроен прежде всего из-за книг.

— Вы сказали: из-за одной книги, — уточнил Грей.

— Да. Макгил пристрелил этого джентльмена, кучера и охранника и начал переворачивать содержимое фургона вверх дном. Найдя нужную книгу, он забыл про остальные, свистнул своим парням, и они покинули место преступления, или, точнее сказать, резни. Мистер Грей, вы ведь начитанный человек, не так ли?

Вопрос несколько смутил Шона. Образование он получил домашнее. В восемь лет его отправили было в школу, но одаренный ребенок не прижился среди детей, которых родители с пеленок пугали историями про Дьявола, что придет ночью и разрежет язык, если не будешь слушаться. Его то и дело просили показать язык — не раздвоенный ли он, — а один мальчик позволил себе отпустить грязную шуточку про его маму и Дьявола. В результате они подрались: Шон отделался синяком под глазом, а вот его обидчик лишился двух передних зубов. Отец решил забрать ребенка из школы, и образованием Шона занялась мать. Несмотря на детство, проведенное в окружении гувернанток и частных учителей, Маргарет не могла передать сыну много знаний — ее обучали светским манерам, искусствам, музыке, танцам, вышиванию. Мальчику от этих наук пользы мало, поэтому она просто привила ему любовь к чтению, и Шон проводил много времени за книгами. Но как это могло помочь ему в расследовании налета в Змеиной Долине?

— Мистер Грей, вы ведь много книг читали, верно? — спросил Бакстер еще раз.

— Да. — Шон вернулся из своих мыслей.

— Представьте, что вы Макгил и вам нужно найти определенную книгу. Как бы вы ее нашли среди десятков других?

— Ну... я бы брал книги по одной, смотрел название и автора — как в библиотеке. Разве что в библиотеке книги обычно уже стоят по категориям, если там практикуют оксенбергскую систему, или по фамилиям авторов — это если по традиционной.

— Макгил делал по-другому. Он хватал книгу, пролистывал ее, отбрасывал. Хватал следующую, пролистывал, отбрасывал. Иногда даже не пролистывал, а просто открывал в середине. Как, по-вашему, какую книгу можно искать, пользуясь такой системой?

Грей недоуменно пожал плечами.

— Мистер Бакстер, я не имею ни малейшего представления, что он искал.

— Тем не менее он эту книгу, чем бы она ни была, нашел.

— Полагаю, ее не было среди его вещей, когда Макгила убили?

— Верно.

— И моя задача заключается в том, чтобы ее найти?

— Нет, эта задача была бы слишком трудной, если бы книга просто пропала. Все куда проще: мы знаем, где книга. Нам известно, что незадолго до своего заслуженного конца Макгил продал часть награбленного. Книгу купил некий Джонатан Ганьон, или «наставник Ганьон».

— Он что, школьный учитель?

— Нет, сектант.

Шону вспомнилась статья в «Вестнике Запада», которую он прочел в поезде. Некий красноречивый журналист с двойной фамилией рассуждал о свободе вероисповедания как об одном из камней, составляющих фундамент общества.

— Вы имеете в виду, приверженец альтернативной религии.

Бакстер раздосадованно покачал головой.

— Грей, когда я был в вашем возрасте, сектантов называли сектантами и в лучшем случае закидывали гнилыми овощами, если они где-то объявлялись и начинали проповедовать свой бред. Не моя вина, что правительство поддерживает свободу верить во что угодно, которая дошла до абсурда. Любой деревенский дурак может провозгласить себя «наставником» и проповедовать, что ему вздумается.

— Разве не в этом заключается свобода?

— Это беспорядок, а не свобода, Грей, но дело не в этом. Ваша задача — найти этого проповедника Ганьона и выяснить, что за книгу он купил у Макгила. Если вы увидите запретную книгу, вы сможете понять, что она запретная?

Грей не смог сдержать улыбку. К запретным относились книги, содержащие инструкции по применению магии, призыву существ из Ада, общению с духами и прочим суевериям. Все эти заклинания, разумеется, не работали, но правительство считало нужным эти книги запрещать.

— Да, я пойму, если это книга про то, как призвать Дьявола из Преисподней. Но вы ведь понимаете, что это просто сказки.

— Сказки или нет, но закон запрещает хранение таких книг. Из-за чего стоят они прилично. Если выяснится, что Ганьон купил у Макгила колдовскую книгу, вы ее изымете и сдадите в архив.

— Может, лучше сжечь в полнолуние и посыпать землю солью?

— Грей, вас что, Холлистер не учил не шутить с начальством?

— Прошу прощения, сэр. Где мне начать поиски?

— Как я говорил, задание простое. Возможно, вам даже не понадобится ваш дар. Ганьон и его приспешники разбили лагерь у городка Дастфорд в округе Уэстон. Уточните расписание поездов и отправляйтесь утром. Только заручитесь поддержкой шерифа, когда пойдете к этим чертовым сектантам.

— Шерифа? Зачем?

— Грей, кто знает, что у этих святош на уме? Может, они захотят вас в жертву принести?

Глава 2

1.

Эллен Райли закрыла дверь на ключ, как если бы мужчина, оставшийся лежать на полу, мог встать и выйти вслед за ней. Нет, понимала она, он уже не поднимется. Тем не менее оставлять номер незапертым ей не хотелось.

За окном только начало светать, и она увидела свое отражение в темном стекле: испуганное бледное лицо, растрепанные черные волосы. Ей показалось, что за последний месяц она постарела на пять лет — кто сейчас подумает, что ей семнадцать? Поправив прическу, Эллен вспомнила, что оставила в номере любимую бежевую шляпку с зеленой лентой. Ну уж нет, даже за ней она туда не вернется — ей не хотелось снова увидеть эту жуткую картину. В порядок приведет себя потом, когда окажется подальше от этого ужасного места. Чемоданы ее так и не подняли в номер, но она готова была уйти без них: в дорожном платье, легком плаще и простых туфлях. Прочие вещи остались где-то на первом этаже.

Держась дрожащей рукой за перила, она спустилась по крутой лестнице, стараясь не издавать ни звука. Снизу доносился неприятный кислый запах. В подвале тетушки Беатрис, куда Эллен, несмотря на строгий запрет, любила заглядывать в детстве, пахло чем-то похожим. Ей даже показалось, что сейчас она увидит бочки, обтянутые ржавыми обручами. Но вместо бочек были сдвинутые столы, уставленные грязной посудой, над которой вились мухи. На полу валялись осколки битой посуды и объедки. Мужчины, те самые, что шумели и хохотали ночью, спали прямо за столами — их было двое. Один, лохматый, с гнилыми зубами, храпел, разинув рот. Другой уснул лицом в тарелке, рядом лежала бутылка, из которой разлилась желтая лужа. Наверное, были и другие, но они к утру ушли. Мистера Олбрайта тоже не было. Эллен осторожно направилась к выходу. Хотя бандиты спали крепко, а шаги ее были тихими, неслышными, она все же не решилась зайти за стойку и вытащить свои чемоданы. Да и на чем она их повезет? Вряд ли на выходе у гостиницы можно будет нанять экипаж. К тому же денег в кошельке осталось слишком мало. За последний месяц Эллен научилась ими распорядиться, но к тому времени они уже почти закончились.

Ее внимание привлек небольшой кожаный саквояж с широкой ручкой и длинным плечевым ремнем, лежавший у ног лохматого бандита, — точно такой же она видела вчера у мистера Олбрайта, толстого джентльмена, представившегося управляющим. Стараясь не наступить на осколки разбитой посуды, Эллен подошла ближе — так близко, что почувствовала зловонное дыхание спящего и увидела пучки волос, торчащие из его ноздрей. Наклонившись, она приоткрыла саквояж и тихо ахнула: жизнь обошлась с ней ужасно, отвратительно, зато сейчас подбросила неожиданный сюрприз — в сумке лежали перетянутые бечевкой купюры, поблескивали монеты. Еще вчера одна только мысль о краже заставила бы ее ужаснуться, но теперь, когда кровь еще не остыла после того ужаса, что произошел наверху, Эллен лишь покачала головой и, перекинув тяжелую сумку через плечо, тихо направилась к выходу — пусть оставят себе ее чемоданы.

2.

Оказавшись на улице, Эллен бросилась к коновязи и увидела, что одну из лошадей не потрудились расседлать. Она подошла к бедному животному, успокоила, погладив по шее,

отвязала поводья. Оглядевшись по сторонам, как если бы ее мог кто-то увидеть, запрыгнула в неудобное седло.

— Эй, дамочка! — услышала она крик за спиной.

Обернувшись, она с ужасом заметила толстяка Олбрайта, заправлявшего рубашку в расстегнутые штаны. В его мутном, пьяном взгляде читалось недоумение. Эллен пришпорила лошадь и вихрем пронеслась мимо опешившего мужчины.

— Эй, олухи! — послышалось за ней. — В погоню! Она украла деньги!

Эллен мчала, не разбирая пути, не понимая, едет ли она в том направлении, откуда вчера ее привез дилижанс, или в противоположном. Всюду мелькали высокие деревья, копыта то стучали по каменистой земле, то хлюпали в грязи, но очень скоро лошадь устала, в дыхании ее слышались хрипы, а позади раздались крики преследователей. Неожданная мысль пришла в голову: может, стоит остановиться и предстать перед бандитами — встретиться с ними лицом к лицу? Она тут же отбросила ее в сторону — встреча закончится ужасно, они наверняка хотят ее убить. Нужно оторваться, скрыться.

Что-то хлопнуло позади, и Эллен услышала свист, пронесшийся над головой. В груди ее похолодело — бандиты открыли стрельбу! Увидев развилку, она свернула направо — дорога уходила вниз, превращаясь в узкую тропу и утопая среди высокого подлеска. Еще развилка — она снова свернула направо. Ветви сомкнулись над головой, в прохладном воздухе запахло хвоей, стало заметно темнее, лошадь осторожно сбавила шаг.

Раздался еще один выстрел, послышалась растерянная ругань бандитов — похоже, они свернули на другую тропу и потеряли ее из виду. Но что, если они разделились? Вдруг они поймут, что ошиблись, и вернутся на нужную тропу? Эллен пришпорила лошадь, и та ненадолго прибавила шаг. Но вскоре дорога стала непроходимой для животного, и пришлось спешиться. Запахнув плащ и накинув капюшон, она шла, перешагивая через коряги и протискиваясь между колючими зарослями в надежде уйти подальше от преследователей. Сумка с деньгами оттягивала хрупкое плечо, и Эллен внезапно пришла в голову дурацкая мысль: она может заблудиться в лесу и умереть от голода, располагая суммой, которой легко бы хватило на год скромной жизни. Вскоре она убедилась, что преследователи отстали. Неудивительно, им хватило ума не броситься в эту чащу. Ей же теперь предстояло как-то из нее выбраться.

Она вдруг подумала о маме — воспоминание, которое всегда вызывало щемящую тоску. Мама бы точно помогла ей найти дорогу, она бы усадила ее в фургон и увезла через полстраны до самого Меридиана, к дяде Натаниэлю, единственному человеку во всем мире, которому было до нее какое-то дело, — по крайней мере, она на это надеялась. Эллен постаралась прогнать из головы мысль о матери — ничего, кроме боли, она не приносила.

Остановившись, чтобы отдышаться, Эллен прислушалась: погони не слышно, где-то вдали журчит река. Звук заставил ощутить сильную жажду. Если выйдет к воде, будет проще найти дорогу. Однажды она читала книгу про смелого охотника. Он заблудился, спасаясь от медведя, и выжил лишь потому, что у него был дар — чувствовать воду. Какой изъясн был у героя, она не помнила, как и его имени или имени автора, но это было неважно. Нужно идти к воде.

Настроившись на долгий путь, Эллен пошла навстречу тихому журчанию, но достигла реки быстрее, чем рассчитывала. Густая чаша неожиданно закончилась, будто срезанная ножом, и Эллен вышла на каменистый берег. На берегу стояла старая, поросшая мхом бревенчатая хижина, будто привалившаяся одним боком к земле. Казалось, что прохудившаяся крыша вот-вот съедет с покосившейся постройки и скатится в воду. Эллен бросилась к реке и, вымыв руки и лицо, жадно начала пить холодную воду. Ничего вкуснее она не пила в своей жизни.

Вдруг ей пришла в голову мысль: а что, если в этой хижине кто-то есть? Она подняла голову, вглядываясь в темный прогал окна, и там действительно что-то мелькнуло. В это же мгновение за ее спиной послышался голос:

— А вот и наша красotka!

Эллен вздрогнула от неожиданности. Обернувшись, увидела лохматого бандита с гнилыми зубами. Второй — лысоватый, в засаленной жилетке — шел позади, ведя под уздцы двух лошадей. Бандиты вышли не из той чащи, где она едва не заблудилась, а спустились по дороге в другой стороне. Хоть Эллен и оторвалась от преследователей, пути их снова пересеклись у реки.

— Какая же она красotka, Грег? — возразил тот, что вел лошадей. — Худая, как палка. И чего только на нее Джексон позарился?

— Слышишь, Басс, проводи пять месяцев в горах Рокленда, тебе любая баба красotкой покажется, никакого виски не надо.

Сказав это, лохматый вытащил длинный нож. Эллен в ужасе уставилась на клинок. Чего бы ни задумал этот мерзавец, закончится все тем, что он перережет ей этим ножом горло. И это будет не самое отвратительное, что он с ней сделает. Страх сковал ее тело, подобно тому, как мороз сковывает реку. Но тут же она почувствовала знакомое ощущение — Жар. Он растекался медленно, изгоняя страх, превращая его в злость, ненависть, гнев. Маленькие кулачки Эллен сжались так, что побледнели костяшки.

— Смотри-как, она злится, — сказал лысоватый.

— Дорогуша, — продолжил его напарник, подходя ближе, — брось-ка мне сумку мистера Олбрайта, и, может быть, мы тебя отпустим.

— Не бойся, — сказал второй, подходя с другой стороны.

Но Эллен не боялась. Она втянула носом воздух, почувствовав смесь из множества лесных запахов, испорченных вонью, доносившейся от бандитов; по телу растеклось приятное тепло, звуки стали тише.

Неожиданно для всех троих дверь старой хижины отворилась, и оттуда вывалилась дрожащая фигура на длинных тонких ногах. Худой растрепанный юноша примерно одного с Эллен возраста, держал в трясущихся руках пистолет, едва справляясь с его весом. Тонкие губы его сжались, глаза округлились от ужаса. Поношенный, но дорогой сюртук, шелковый шейный платок, льняные брюки и лаковые туфли странно сочетались с его диковатым взглядом, как и с первобытным жилищем, из которого этот молодой человек объявился.

— Стоять! — В голосе чувствовалась попытка придать ему уверенности. — Не двигаться! Бросьте оружие и проваливайтесь прочь!

Лохматый усмехнулся и медленно, будто с издевкой, достал из кобуры револьвер и навел оружие на юношу.

— Я выстрелю! — воскликнул парень.

— Не выстрелишь, — возразил бандит. — У тебя кишка тонка. Так бы ты уже давно выстрелил.

— Послушай, приятель, — продолжил его напарник, — до тебя нам никакого дела нет, так что просто не вмешивайся. Решил заступиться за девицу? Ты бы спросил сначала, почему двое мужчин гонятся за ней через весь округ.

— Она незащищенная женщина, мне достаточно этого знать.

Эллен покачала головой. И не только, потому что ее передернуло от слова «женщина», сказанного в ее адрес, но и от понимания, что сейчас произойдет. Мальчишка не понимает, в какой ситуации очутился. Лучше бы он продолжал прятаться в своем убежище.

Лохматый подошел к парню, взял револьвер за ствол и легко извлек его из дрожащих рук.

— Проваливай — я пообещал Господу Богу, что больше не буду убивать детей.

К удивлению Эллен, юноша не бросился бежать сломя голову, а что было сил ударил бандита под дых. Тот даже не шевельнулся, а ее заступник взвыл от боли, тряся ушибленной рукой.

— Кончай его уже, Грег! — нетерпеливо крикнул второй. — Я займусь ведьмой.

Грег одной рукой схватил юношу за грудки, в другой появился длинный нож. Сталь блеснула перед глазами Эллен, и слово «ведьма» отозвалось эхом в голове, пробуждая худшие воспоминания ее жизни.

Ведьмой назвали ее, семилетнюю девочку, соседи, вынудившие родителей переехать в другой округ.

Ведьмой называл ее отец после того, как ферма на новом месте обернулась разорением.

Ведьмой она называла себя сама, когда впервые пролила кровь и поняла, на что способен Жар.

Ведьмой назвал ее мерзавец, которого она задушила в гостинице — одиноком здании, служившем логовом разбойников. Она поняла, что попала в ловушку только ночью, когда заявились бандиты и закатили пир, а к ней в номер вломился пьяный мужчина. Ее спас дар, и сейчас, хочет она того или нет, он снова ее спасет.

Жар вспыхнул в груди Эллен, мгновенно разлившись по всему телу. Зубы стиснулись от ярости, а глаза налились кровью. Юная мисс Райли, воспитанная покойной Беатрис Хэмпфри в лучших манерах, умевшая читать на двух языках, музицировать, рисовать акварелью и разбиравшаяся в геральдике благородных домов Аттионского королевства, в одно мгновение превратилась в яростного, беспощадного зверя, наделенного чудовищной силой и скоростью.

Она бросилась на бандита так быстро, что тот не успел ни оглянуться, ни понять, как его собственный нож перерезал ему глотку. Захлебываясь кровью, он упал на колени, цепляясь пальцами за брюки парня, вставшего на защиту Эллен, — тот лишь отпрянул в ужасе, словно девица, увидевшая паука.

Второй бандит оказался быстрее напарника. Он выхватил револьвер, выстрелил. Пуля попала в шею, но отскочила от нее, не оставив ни царапины, и ударила рикошетом в стену хижины. Эллен даже не пошатнулась — Жар защищал ее тело. Напротив, в одно мгновение она приблизилась к негодяю. Рот его раскрылся от недоумения; он хлопал глазами, не в силах понять, как ведьма оказалась прямо перед ним. Опомнившись, бандит направил оружие на нее, но Эллен схватила его кисть и сдавила так сильно, что костяшки, ломаясь, хрустнули, как сухие ветки. Мерзавец закричал, и она, повалив его одной рукой, вцепилась пальцами в горло и давила, пока хрипы не прекратились, а ноги не перестали стучать по земле.

Точно так же она убила ублюдка, вломившегося к ней ночью. Ей не спалось, и она еще не успела раздеться, когда тот негодяй открыл дверь и повалил ее на кровать. Эллен закричала и позвала на помощь, но снизу послышался только хохот и улюлюканье. Тогда в ней проснулся Жар, и она сомкнула пальцы на его глотке. Он выхватил нож и ударил ее в лицо, но металл отскочил от ее кожи, как от стали, — Жар делал ее неуязвимой. Бандит уже перестал дышать, а она все сдавливала его шею; он же хрипел и стучал рукой по полу под радостные возгласы с первого этажа.

— Покажи ей, Джексон! Давай! — кричали они.

Когда он умер, ее охватил Холод, и она потеряла сознание. К счастью, разбойники разошлись, а оставшиеся уснули, поэтому никто не увидел, что Эллен убила их дружка. Утром она очнулась и обнаружила себя на полу рядом с холодным телом. Ей удалось уйти, но теперь они все равно ее настигли. Что ж, им же хуже.

— Прекратите, он уже мертв! — крикнул юноша. Пришел ей на помощь, но в итоге она спасла его жизнь. Они бы точно его не отпустили. Они никого не собирались отпускать.

Взгляд Эллен опустился вниз, на бледное, мертвое лицо бандита.

Внезапно гнев отступил, а по телу пробежала ледяная дрожь — Эллен понимала, что это значит.

— Господь всемогущий, — прошептал молодой человек.

— Мне понадобится ваша помощь, мистер... — проговорила Эллен, покачиваясь. У нее оставались считанные секунды.

— Уиллард, Дэвин Уиллард, — представился тот, слегка поклонившись, — привычка, выработанная воспитанием. — Ваш акцент... вы одаренная?

Эллен смерила его удивленным взглядом.

— То есть вы поняли это только по моему акценту? Сообразительный же вы... — Она не договорила.

Ноги ее подкосились от навалившейся усталости, как это всегда случалось после использования дара. Она почувствовала, как падает, погружаясь в темноту. Сейчас ее тело ударится о землю. Но вместо этого сознанием, уже почти угасшим, Эллен уловила, что ее подхватили дрожащие от ужаса руки юноши.

Глава 3

1.

На следующий день после разговора с Бакстером первым же поездом Шон Грей приехал в Дастфорд — маленький городишко в ста милях к югу от Нью-Аламарка. Выйдя на безлюдной станции, он поднялся по пологому склону и увидел пыльную улицу и деревянные здания, тянувшиеся по обе стороны. Вывески призывали пообедать за двадцать пять центов, переночевать за два доллара, купить провизию, лошадей и оружие. Чуть дальше, выше по склону, виднелись дома, амбары, раздавалось мычание коров.

Мальчишка, чинивший кровлю, бросил на Шона беглый взгляд и вернулся к работе. Погонщик скота проехал мимо на гнедой кобыле; увидев латунный жетон, лениво кивнул в знак приветствия, ничего не сказав. Больше его никто не заметил — над городом стоял обычный гул голосов, стучали копыта, поскрипывали колеса.

Шон понимал, что в местах вроде этого одаренных не любят, и стоит ему заговорить, как на него сразу обратят внимание. При желании он мог скрывать акцент, но проговориться было проще простого. Да и какой смысл прятать свой дар, если он может понадобиться для работы? Шон посмотрел на лошадей, привязанных к коновязям, телеги, запряженные мулами, собак, дремавших у мясной лавки, — да уж, в подобных местах изъян становится серьезным препятствием.

— Простите, мисс, — обратился он к молодой женщине в голубом платье. — Где я могу найти контору шерифа?

Женщина придержала шляпку рукой и взглянула на Шона испуганно. Ничего не сказав, она лишь указала на низкое здание в конце улицы. Вывески на нем не было.

— Спасибо, мисс.

Трое мужчин, разговаривавших возле конюшни, затихли и, не сговариваясь, устались на Шона, провожая его взглядом. Мальчишка на крыше перестал стучать молотком, вытер пот со лба и сел поудобнее, наблюдая за приездом; на другой стороне улицы захлопнулись ставни. Внезапно стало заметно тише, лишь поскрипывали колеса, да раздавалось фырканье лошадей. Шону сделалось не по себе. Никто не сказал ему ни слова, но настороженные, сердитые, испуганные взгляды говорили сами за себя: ему здесь не рады. И ведь это даже не другой штат. Всего в сотне миль отсюда, в Нью-Аламарке, одаренному и в голову бы не пришло скрывать свой акцент, здесь же, в Дастфорде, выстрел из ружья не привлечет столько внимания, сколько прибой.

Пока он шел к конторе, люди смотрели на него, перешептывались, переходили на другую сторону улицы. У входа на узкой веранде сидели два помощника шерифа с жетонами на груди: худой юнец с бородавкой на носу и верзила лет сорока с красным лицом, утонувшим в густой черной бороде и усах.

— Добрый день, джентльмены. Меня зовут агент Грей, Федеральное бюро порядка. Мне нужно поговорить с шерифом Трюдо. — Шон предъявил жетон.

Юнец усмехнулся, обнажив гнилые зубы, почесал подбородок и сказал:

— Станный у вас говор, мистер Грей. Знавал я одну девицу, что так говорила, с прибоем, так ведь это зовется? Говорят, путалась с нечистой силой. Но вы ведь не из таких, да, мистер? — Наглая улыбка расплылась по лицу.

— Я одаренный, если вы об этом, — ответил Шон. — Можете не переживать, мой дар не представляет опасности.

— А с чего вы взяли, что мы переживаем? — Здоровяк, кряхтя, встал с кресла и сложил руки на широкой груди. — Это вам стоит переживать, а не нам.

Шон привык, что жетон производит на людей магическое действие: увидев его, они становятся вежливее, сговорчивее, идут на всяческие уступки. Встречались и другие, в чьих глазах вспыхивает дерзость, но то были преступники, бандиты, ненавидящие законников. Увидеть такую реакцию от помощников шерифа он не ожидал. Если и Трюдо окажется таким же мерзким типом, то, возможно, придется идти к Ганьону самому.

Шон представил, что будет, если ему не удастся справиться с заданием. Бакстер посмеется и скажет, что плохая идея — брать в Бюро только из-за дара, Холлистер покачает головой и посоветует постажироваться под его руководством еще один месяц, кто-нибудь обязательно напомнит, что не поздно вернуться работать в отцовскую лавку. Нет, не для этого он поругался с отцом, отказавшись продолжить его дело. Не для этого он расстроил мать, объяснив, что будет служить закону — профессия почетная, но опасная. Задание ему доверили простое, и он его точно выполнит. Как говорил инспектор Фрэнк Милтон: «Если жетон не внушает уважения, внуши его сам».

Шон поднял руку, словно фокусник, готовый под восклики толпы вытащить кролика из шляпы, — необходимости в движении не было, однако он знал по опыту, какое впечатление может произвести эффектный жест. Еще подходя к крыльцу, он заметил, что животных в этой части улицы было мало: две лошади привязаны у здания, цепной пес сидит у дома, рыжий кот спит на бочке. Шон «присмотрелся» — так он называл использование своего дара. Присмотрелся не обычным зрением, что есть у каждого, а особенным, которое может быть только у одаренного. В воздухе вспыхнули дымчатые следы, и животные отреагировали, как по команде: лошади заржали и дернулись так сильно, что покачнулся столб коновязи, кот вскочил, зашипел, шерсть его встала дыбом, пес бешено залаял и бросился на законников, мгновенно натянув цепь. Шон тут же отпустил следы, дал им исчезнуть, и животные успокоились так же внезапно, как и пришли в бешенство. Помощники шерифа отпрянули от неожиданности. Шон не коснулся их следов, но был уверен: они источали страх.

— Как видите, джентльмены, мой дар не опасен. И вообще, мы на одной стороне. Шериф у себя?

Юнец от ужаса лишился дара речи, губы его дрожали, а рука неуверенно потянулась к кобуре.

— Слышал я, что в Бюро работают колдуны, — тихо сказал здоровяк, — но думал, что это выдумки. Чтобы отродье Ада защищало закон? Как же мы до такого докатились...

Он отошел в сторону, указывая Шону на входную дверь, и шикнул на юнца, дав ему понять, что тянуться за оружием — плохая идея.

— Эй, Калевб, Майк, какого черта вы там треплетесь? — раздался недовольный голос из-за двери. — Это же колдун из Бюро приехал? Давайте его сюда, у меня будто других дел нет, кроме этих сектантов.

2.

Шон вошел в контору и оказался в помещении, похожем на кабинет, тюрьму и склад одновременно. В дальнем углу друг на друге стояли ящики, грозившие свалиться на решетку пустой камеры, занимавшей добрую треть всего пространства. Слева от двери спиной к посетителю сидел, сгорбившись над столом, худощавый старичок с длинными седыми волосами, на широком кожаном поясе висела пустая кобура. Шон закрыл дверь, и старик обернулся. Глаза его на мгновение прищурились. Схватив со стола шляпу, лежавшую рядом с револьвером, он надел ее, поднялся со стула и протянул руку.

— Норман Трюдо, — произнес он сухим, скрипучим голосом.

— Агент Шон Грей.

Покашляв в кулак, шериф продолжил:

— Итак, мистер Грей, утром мне принесли самую скупую телеграмму, что я только видел за все время существования телеграфной связи. Бюро, что ли, экономит казенные деньги? Потрудитесь-ка растолковать, что значит это самое... — Он достал смятую бумажку из кармана. — «Прибудет агент одаренный обеспечить». Не хватило пяти центов дописать еще пару-тройку слов, чтобы понятно было, чем мне вас обеспечивать? Вам требуется лошадь, провизия, девочки, может быть? Все это у нас есть в изобилии, но последнее — только за наличные. Мадам Литгоу эти ваши расписки не принимает. Боже мой, да вы покраснели!

Краска действительно залила лицо Шона. Постаравшись придать голосу невозмутимой уверенности, он ответил:

— Благодарю, но мне нужна помощь иного рода. Хотя лошадь, пожалуй, тоже понадобится.

Шериф развел руками:

— Чего ж вы от меня хотите?

— Мне нужно найти некоего Джонатана Ганьона.

— Этого святошу? — удивился Трюдо. — Он-то зачем понадобился вашей конторе?

— Вы так удивлены, будто это самый безобидный человек на свете.

— Ну... — Задумчиво протянул шериф. — Безобидных людей не бывает. Господь всех нас создал не без изъяна. И я сейчас не про те изъяны, которые у вас, колдунов, а про изъяны простых смертных. Взять, к примеру, Мэри-Лу Кларк — жила у нас такая дамочка, в шляпной мастерской работала и детишек еще грамоте, бывало, учила. Однажды пришел ее муж домой, сел за стол, потребовал ужин, а в ответ получил заряд дроби из собственного ружья. Бедолагу было не узнать — на лице живого места не осталось.

Удивившись этому повороту в разговоре, Шон тем не менее заинтересовался историей.

— Но что же послужило причиной этой... семейной ссоры?

— Ссора — это когда бьют посуду и лупят друг друга, а здесь — хладнокровное убийство. Откуда ж мне знать, что послужило причиной? Я, конечно, спросил у Мэри-Лу, а та лишь сказала, что ублюдок получил по заслугам, и молчала, стиснув зубы. Ее, впрочем, особенно и не допрашивали — не пытать же ее, ведь дело явное было. Судили, повесили — и дело с концом. По мне, так в нее бес какой-то вселился. Это я к тому, что не бывает людей совсем безобидных. Табаку? — Шериф протянул ему сигарету.

— Не курю, спасибо.

— А зря, отменный сорт из Калары, и скручивают не на тех старых станках, а на новых — бумага не расклеивается и дым железом больше не отдает, как раньше. Но прошу прощения, насчет вашего вопроса. Что именно вам от меня нужно? Если просто найти лагерь святош, так я укажу пальцем, возьмете Дейзи у конюха — добрая кобылка, — и хорошего вам дня, мистер Грей. У меня тут завелась одна шайка в округе, и мне еще утром следовало заняться мерзавцами, но пришлось вместо этого дожидаться вас. — В голосе прозвучало сдержанное недовольство.

— Боюсь, я попрошу вас отправиться со мной. Видите ли, — Шон решил ничего не скрывать от шерифа, — Ганьон, возможно, располагает запретной книгой. Если это действительно так, ее придется у него изъять.

— Стало быть, отобрать?

— Да.

— Хм, книгу у проповедника? — Трюдо задумчиво поскреб подбородок. — Это, конечно, не то же самое, что отнимать самогон у пьяницы, но я понимаю ваше опасение. Чего вы так удивились? Думали, вас тут на смех поднимут, потому что вы не хотите в одиночку идти в лагерь невест к кому?

Шон действительно боялся, что шериф только рассмеется, узнав, что ему нужно.

— Честно говоря, да, — признался он.

— Мне скоро шестьдесят четыре года, — сказал Трюдо. — Из них тридцать два на службе закону. И я до сих пор жив, не потому что лезу на рожон, а потому что не пренебрегаю осторожностью. А показная смелость — она для молодых дураков, которым плевать, доживут они до старости или нет. Народ ой как не любит расставаться со своим добром, мистер Грей, особенно когда к ним заявляются представители власти. Это я вам как человек, отвечающий за сбор налогов, говорю.

— Вы думаете, что эти, как вы говорите, «святоши», могут быть опасны?

Шериф взял со стола револьвер, проверил барабан и, убедившись, что оружие заряжено, засунул его в кобуру.

— Как я говорил, безобидных людей не бывает. Святоши шума не устраивают — мирные, как овечки. Но и бедняжка Мэри-Лу скверным нравом никогда не отличалась, а видите, как вышло.

Он погасил сигарету о жестяную пепельницу.

— Пойдемте, провожу вас к этой пастве.

3.

Лагерь Ганьона располагался в полумиле от Дастфорда, в тенистой низине у подножия холма. Пока они ехали, погода стала пасмурной и тучи начали заволакивать небо. Дождь был еще одним препятствием в работе: он быстро смывал следы, делая дар бесполезным. Впрочем, сегодня, надеялся Шон, отслеживать никого не придется.

Еще не доехав, они встретили у ручья крепкого босоногого мужчину в длинной рубаше и подвернутых до толстых щиколоток холщовых брюках. В руках он нес плетеную корзину с мокрой одеждой. Увидев Трюдо, здоровяк улыбнулся и помахал рукой.

— Доброго дня, шериф!

— Доброго дня, ээ...

— Брат Хэнк.

— Ах да, Хэнк. Ганьон у себя?

— Брат Джонатан в лагере, но ненадолго. Мы вот-вот уедем. Надеюсь, дождь нам не помешает.

Шон взглянул на небо.

— Вряд ли начнется в ближайший час, — заметил он.

— Это мистер Грей, — представил его Трюдо. — Куда вы сегодня направитесь?

— Туда, где души нуждаются в поддержке.

Шон бросил взгляд на босые ноги Хэнка.

— Простите мое любопытство, но неужели ваша вера предписывает вам путешествовать босиком?

Улыбка всплыла на широком лице мужчины.

— Нет, что вы! — Он потряс корзиной. — Я постирал белье и обувь. Высушу и обуюсь. У меня, знаете ли, второй пары ботинок не водится, мне хватает одной. Наставник Ганьон всегда говорит, что человеку не нужно желать лишнего. Все зло из-за того, что люди желают чужого и не ценят свое.

— Весьма мудрые слова, — кивнул шериф. — А что же, женщины у вас стиркой не занимаются?

— Занимаются, но у нас маленькая община — всего пять человек. Было больше, однако некоторые нас покинули. Если сестра Дорис или сестра Агнес займутся стиркой, кто же будет

готовить и штопать? Работы у нас хватает, а мужчина должен уметь позаботиться о своих портках.

— Тоже Ганьон сказал? — спросил Трюдо.

— Нет. Мой отец. Он был портным.

— Тоже мудрые слова. Доброго дня вам, брат Хэнк.

Приблизившись к лагерю, они увидели двух мужчин, загружавших пожитки в фургон, запряженный мулами. Часть палаток еще не разобрали, у костра хлопотали женщины, под парусиновым навесом еще стояли ящики с разной утварью, но было видно, что община вот-вот отправится на новое место. Ветер подул в их сторону, и Шон почувствовал запах костра, жареного мяса и горячего хлеба. В желудке его заурчало. Они спешили и привязали лошадей к деревцу. Дейзи, гнедая кобыла Шона, опустила голову и начала щипать травку.

— А вот и мистер Ганьон! — сказал шериф.

При других обстоятельствах рыжеволосый мужчина в очках, что обернулся на его голос, показался бы Грею аптекарем или бухгалтером. На нем была белая рубашка с закатанными рукавами — из-под левого выглядывал бинт, черная жилетка с серебристой вышивкой и слегка помятые брюки в полоску. Поправив шляпу-котелок, он улыбнулся.

— Доброго дня, шериф! — сказал проповедник, вытирая пот со лба. — Если вас беспокоит, что мы так долго пользовались гостеприимством города, то мы уже собираемся в дорогу. Осталось свернуть пару палаток да пообедать.

— Ваше присутствие нас нисколько не отягощает, мистер Ганьон, — ответил Трюдо. — Я здесь по другому вопросу. Мистер Грей попросил меня сопроводить его к вашему лагерю.

Это было не вполне правдой, но Грей понял, что шериф не хотел оскорбить Ганьона намеком на то, что его паства может причинить кому-то вред.

— Вот как? В таком случае позвольте представиться. Джонатан Ганьон, к вашим услугам.

— Шон Грей.

Пожав проповеднику руку, он на мгновение замешкался, увидев, что у того не доставало мизинца.

— Не переживайте, — сказал Ганьон. — Этот палец уже давно не болит. Потерял его в детстве. Благодарю Бога, что он отнял у меня самый ненужный. Если он что-то отнимает у меня, так только ненужное. Вы, видимо, одаренный, мистер Грей?

— Вам хватило двух слов, чтобы услышать акцент?

— Прибой очень легко узнать, и я рад, что вы его не скрываете, как это делают многие. Бог создал вас таким, и не следует скрывать его замысел.

— Я тоже так думаю.

— Вот мой отец не разделял вашего мнения. Он был священником и считал, что раз уж кого-то отметил Дьявол, то нести это бремя следовало тихо, дабы не смущать людей своим проклятьем. Старик был весьма традиционных взглядов.

— Полагаю, вы их не разделяете?

— Полагаю, язык у вас не раздвоенный?

Одна из женщин, готовивших обед, тихонько хихикнула.

Шон не верил ни в дьявольское, ни в божественное происхождение дара. Он вырос в то время, когда паровые машины находили все новые применения в промышленности, слова, превращенные в электрические сигналы, в мгновение ока пересекали сотни миль, а одаренных стали брать на государственную службу, стараясь найти их способностям подходящее применение. Дар казался ему еще одной силой природы — загадочной, плохо изученной, но не более сверхъестественной, чем энергия пара. Он не задавался вопросом, откуда она взялась, для него важно было, как ей пользоваться. И все же в одном он был согласен с этим человеком: если одаренным приходится скрывать свой дар от общества, значит, что-то не так с этим обществом,

а не с одаренными. Хоть Шон и не был религиозным человеком, этот рыжеволосый проповедник начинал ему нравиться.

— Так чем я могу вам помочь? — поинтересовался Ганьон.

— Недавно вы... — начал Шон.

— Хотя подождите, — перебил его проповедник. — Где же мои манеры? Разделите со мной трапезу, джентльмены, там и поговорим.

— Нам некогда, — покачал головой Трюдо.

— Сестра Агнес приготовила мясной пирог.

— Ох! — Глаза шерифа округлились. — Мистер Грей, давайте-ка сделаем привал.

За едой Шон напомнил Ганьону, что с неделю назад тот приобрел у человека по имени Макгил некую книгу. В свою очередь, Макгил раздобыл ее во время ограбления в Змеиной долине, убив несколько человек. Теперь Шон хотел бы с этой книгой ознакомиться. Эту несложную мысль он доносил довольно долго и с паузами, потому что пирог с говяжьей печенкой, луком и яйцом оказался изумительно хорош, как и легкая бражка. Шериф помалкивал, уплетая уже вторую порцию.

— Да, я понимаю, о чем вы, — кивнул Ганьон. — Тот человек показался мне подозрительным, но здесь, на Западе, постоянно приходится иметь дело с разного рода людьми, разборчивым быть не приходится.

— Скупка краденого — не преступление по законам штата Эмберленд, если покупатель не мог знать о сомнительном происхождении товара, — отметил Шон. — Но в Ардиане, если вы доберетесь туда, вам могло бы за это достаться.

— Если бы этот человек предложил мне что-то явно полученное сомнительным путем, вроде золотых зубов, я бы отказался. Но кто же мог подумать, что он совершил убийство ради книги? Я, конечно, ценю знания и поощряю распространение печатного слова, но не такой же ценой. Позвольте узнать, мистер Грей, как ваш дар связан с книгами? У вас какие-то особые способности к запоминанию? Я слышал о человеке, что мог выучить страницу текста, просто на нее взглянув. Правда, у его дара был ужасный изъян...

— Он забывал события последнего дня — я тоже о нем слышал, страховой агент из Тайоны, — подхватил Шон. — Нет, мой дар другого рода: я вижу следы.

— О! Так вы следопыт! Я слышал о подобном даре. Насколько я знаю, похожие дары встречаются часто, но никогда не бывают совсем одинаковыми. У одной дамы из Греймонта был подобный дар: она видела следы животных, из-за чего была одной из немногих женщин, преуспевших в охоте. Вы тоже видите их следы?

— Напротив, я вижу следы людей, но не животных.

— Видимо, очень полезно в вашей работе.

— Пригодается, хотя не всегда помогает раскрыть дело. Случается, что можно увидеть следы, но не найти преступника. А порой наоборот, никакие следы и не нужны. На самом деле, — Шон засмутился, — Бюро несколько преувеличивает полезность моего дара, но я стараюсь быть полезным, насколько это в моих силах.

— Да поможет вам в этом Господь. — Ганьон поднял кружку и сделал глоток. Шон и шериф последовали его примеру.

— Вы знаете, — продолжил Ганьон, — довелось мне однажды поговорить с одним шуна — мудрейший был человек. Многие думают, якобы все шуна — дикари. Но, поверьте, это утверждение весьма далеко от правды. Так вот, мы разговорились о природе дара. Мы с вами, будучи людьми цивилизованными, считаем, что человека даром наделяет Бог. Так ведь? — Шон кивнул, ему не хотелось вступать в богословский спор с проповедником. — А человек должен выяснить, какую миссию Господь на него возлагает. И постараться ее выполнить. Некоторые, вроде моего покойного отца, считали и, к сожалению, до сих пор считают, что дар — это что-то злое, связанное с Дьяволом. При этом обе стороны сходятся в одном: дар — это сила.

Пусть и небольшая, но сила. И когда я рассказал об этом старику-шуна, он лишь усмехнулся и спросил, знаю ли я, в чем истинная сила дара. Меня удивил этот вопрос. Конечно же в том, что он может сделать. А поскольку дары разные, то и сила у каждого одаренного своя. Старик же рассмеялся мне в лицо и сказал, что пока я не найду ответ на этот вопрос, я не пойму природу дара. И если мне не под силу такая пустяковая тайна мироздания, куда мне до прочих. Как я его ни просил, он так и не ответил на мой вопрос. Я хотел было прийти в их поселение позже, но вскоре этот мудрый человек умер и унес свою тайну в могилу.

Ганьон замолчал. Повисла пауза.

— Возможно, он вас разыграл, — сказал Трюдо. — Надо мной так однажды подшутил старший брат, когда мы были детьми. Подарил мне книжонку, сказав, что она очень интересная. И ведь не соврал! Меня от нее было за уши не оттащить, но я не знал, что этот засранец аккуратно вырезал последние страницы — так я и не узнал до сих пор, кто убил Лору Гастингс.

— Если вы про «Убийство на Саннидейл-стрит» Квентина Бриска, то миссис Гастингс убил ее дворецкий, — сказал Шон.

— Черт возьми! — воскликнул Трюдо. — Скольких я об этом спрашивал, все только пожимали плечами. Я так и знал, что этот заносчивый ублюдок казался подозрительным. Брат Джонатан, а что вы вообще делали на территории шуна? Они ведь нас, мягко говоря...

— Недолюбливают? Вы правы. Но я искал мудрости, а знания — язык общий для любых народов, способный сгладить даже столь глубокие разногласия.

— Хочу напомнить, что мы пришли к вам по делу, — сказал Шон. — Могу я взглянуть на книгу, что вы купили у Макгила?

— Боюсь, что не можете.

От неожиданности Шон не сразу нашелся, что ответить. Он никак не ожидал, что этот приятный человек откажется сотрудничать.

— Что вы хотите сказать?

— Видите ли, книги у меня нет, — объяснил Ганьон.

— Куда же она делась? — спросил шериф.

Подул холодный ветерок, и туча напозла на солнце. Шон вдруг подумал, что с тех пор, как они пришли в лагерь, ни один из его обитателей, кроме главы общины, не промолвил ни слова.

— Давайте я расскажу обо всем сначала, — сказал Ганьон. — Но сперва я должен кое в чем признаться: я едва умею читать. Да-да, необычно для проповедника, но это, к сожалению, правда. Не думайте, что я не учился, просто с детства меня преследует некое проклятие: когда я пытаюсь сосредоточиться на буквах, их смысл будто ускользает от меня. Большую часть знаний я получил не из книг, а устно — от разных наставников и добрых людей, что встречались мне на пути. Вроде того старика шуна.

Когда этот Макгил предложил мне купить редкую книгу, я взял ее не глядя. Просто просмотрел страницы, но не пытался разобраться, о чем она. Среди моего имущества нет ни одной книги, и я подумал, что неплохо бы поупражняться в чтении. А цена, которую предложил этот джентльмен — простите, этот человек, — была вполне приемлемой. Теперь-то я понимаю, что, скорее всего, он пребывал в отчаянии и пытался выручить хоть какие-то деньги.

Однако был в нашей общине один человек, куда грамотнее меня, — Мэтью Фриск. Он заинтересовался книгой, проводил вечер за вечером, изучая ее, а этим утром исчез — и книга исчезла вместе с ним. Когда вы рассказали, мистер Грей, что книга, возможно, запретная, я понял, что бедный Фриск соблазнился возможностью перепродать ее по выгодной цене какому-нибудь безумцу или, что еще хуже, попытаться использовать некие ужасные тайны, в ней скрытые.

— Вы верите в колдовство? — спросил шериф. — Я имею в виду, не дар, как у мистера Грея, а... настоящее колдовство. — Лицо старика слегка побледнело при этих словах.

— Вы говорите про магические ритуалы, жертвоприношения, превращения, вампиров, оборотней и прочие страшилки? Я в это не верю. Но человек, одержимый ложной верой, может быть опаснее любых чудовищ из сказок. Думаю, поэтому закон запрещает некоторые книги — не потому что темные ритуалы работают, а потому что кому-то может прийти в голову попытаться их провести.

— Так вы все-таки считаете, что это была запретная книга? — спросил Грей.

— Иначе зачем же Фриску ее красть? — развел руками Ганьон. — Впрочем, сыщик здесь вы, я лишь сообщаю факты.

Неожиданно для себя Шон понял, что он здесь единственный человек, действительно заинтересованный в книге. Ганьон, похоже, смирился с ее пропажей, шерифу не было до нее никакого дела, и только Шону требовалось ее найти. Не потому, что она представляла особую ценность, напротив — скорее всего, это никому не нужный сборник народных суеверий, — а потому, что ему нужно было выполнить задание — его первое настоящее самостоятельное задание.

В прошлом году он поругался с отцом, отказавшись продолжить его дело и работать в лавке. Он снял комнату на Маркет-стрит и перевез туда свои вещи. Их отношения вскоре улучшились, и отец признался, что всегда понимал: с таким даром сын рано или поздно станет законником. Тем не менее других детей у Греев не было, и родители все же надеялись, что сын продолжит их дело. Шон иногда заходил на ужин, и всякий раз отец выражал надежду, что сын вернется к своей «настоящей работе». Однако Шон понимал, что его место не за прилавком. Он не верил в божественное или дьявольское происхождение дара, но считал, что это умение возлагает на него некоторые обязанности. Иметь дар, способный помочь в расследовании, и не пользоваться им — все равно что быть соучастником преступления. Шон взглянул на пасмурное небо. Если погода не изменится, дождь быстро смоем следы вора — и тогда найти его будет намного труднее.

Безопаснее было бы вернуться в Дастфорд, отправить телеграмму Бакстеру, сообщив о перемене планов, и дожидаться дальнейших указаний. Но тучи становились темнее на глазах, и любое промедление могло закончиться тем, что дар окажется бесполезен — снова. «Какой прок от твоего колдовства, если ты не можешь найти мою девочку?» — слова живо вспыхнули в памяти, больно резанув в груди.

— Мистер Ганьон, — сказал Шон. — Простите, наставник Ганьон. Вы упомянули, что Мэтью Фриск исчез этим утром?

— Верно. Думаю, что сбежал среди ночи.

— В таком случае я сейчас же отправлюсь на его поиски.

— Бог с вами, мистер Грей, — сказал шериф. — Пойдете искать вора, который удрал с какой-то книжкой? Вы разве не видите, что брат Джонатан не особенно-то и удручен ее потерей. Я вам в этом не помощник, у меня тут других дел полно.

— Он прав, — кивнул Ганьон. — Я посчитаю этот досадный случай уроком, посланным свыше, — не утруждайте себя поисками этой несчастной книги.

— У меня есть задание, и я должен его выполнить, — твердо заявил Шон.

— Хорошо, — нехотя согласился шериф. — Лошадь вернете потом, когда будете уезжать. Если с ней что-то случится, пришлите эту вашу расписку. Любой банк по ней выплатит деньги?

— Любой банк с федеральной лицензией.

— Ну это лучше, чем ничего.

— Раз вы так решительно настроены найти Фриска, — сказал Ганьон, — чем я могу быть полезен? Что вам нужно для начала поисков?

— Покажите мне место, где я могу найти его след, не перепутав с каким-то другим. Место, где он мог находиться один. Будет проще всего, если покажете, где он спал.

— Но мы уже убрали его палатку.

— Ничего страшного. Покажите само место, след еще будет там.

Ганьон проводил Шона и шерифа к молодому деревцу, трава рядом с которым была заметно примята.

— Здесь он спал.

— Вдали от костра?

— Брат Мэтью был странноватым молодым человеком. Вы не против, если я понаблюдаю за вашим ритуалом, мистер Грей?

— Нет, что вы.

— Ужасно интересно! — Глаза Ганьона загорелись неподдельным восторгом.

Убедившись, что мулы и лошади стоят достаточно далеко, Шон провел рукой в воздухе, присматриваясь к следам. Желтоватая дымка вспыхнула над примятой травой, она вилась в воздухе, словно ее обдувал ветер, но Шон знал, что легкие колыхания следов не имеют отношения к погоде — в помещении они ведут себя так же. Дымка становилась то прозрачной, почти невидимой, то плотной, как шелковая занавеска. Коснувшись ее, Шон почувствовал тревожное волнение, страх, испытанный тем, кто ее оставил, — несомненно, это был Мэтью Фриск; в страхе быть пойманным он сбежал из лагеря под покровом ночи. Поблизости виднелись и другие следы: одни колыхались, как флаг на ветру, другие почти не двигались. Шон провел пальцами в воздухе — жест, которому он научился еще в детстве, — и все ненужные следы исчезли, остался только желтый след Фриска. Он сам не понимал, как ему удастся это делать, но вопрос этот давно перестал его интересовать.

Грей сделал несколько шагов сначала в одном направлении, затем в другом — Ганьон и шериф молча стояли в стороне. Наконец, он опустил руку и сказал, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Мэтью Фриск встал среди ночи, направился к той палатке, затем вернулся, провел какое-то время здесь и ушел по тому проселку. Произошло это около трех ночи.

— Вы все это поняли, просто посмотрев на следы? — восхищенно воскликнул Ганьон.

— Да.

— Какой сильный дар! Палатка, на которую вы указали, — моя. Он подошел, чтобы украсть книгу.

— Скорее всего. Отсюда я не определяю. Следы видно только на небольшом расстоянии.

— Вы хотите подойти поближе и осмотреть мою палатку?

— Ни к чему. Я и так уже вижу, в каком направлении мне идти.

Подойдя ближе, можно было перепугать животных, но Шон не стал этого упоминать. Ни к чему без необходимости рассказывать о своем изъёме. Точно так же он от многих держал в секрете, что след не просто показывает, где и когда находился человек, но и «пахнет» его чувствами. Люди очень смущались, узнав, что одаренный видит их эмоции — нечто личное, сокровенное, поэтому Шон не говорил об этом без веской причины.

— Куда ведет эта дорога, шериф? — спросил он.

— К ферме Доусона, но путь неблизкий, доедете к вечеру. Это уже другой округ, хотя Доусон иногда привозит свои товары в Дастфорд.

— Какие-нибудь опасности в пути?

Шериф покачал головой.

— На юге? Нет, разве что лесные волки, но в наших краях их достаточно отпугнуть выстрелом. Это не те чудовища, что водятся во Фростридже. Округ Нельсон — юрисдикция Парсонса. Никогда мне не нравился этот парень, но нужно отдать должное: порядок он у себя навел. По крайней мере, в северной части.

— На юге Нельсона одни горы, они никому не интересны, — вставил Ганьон.

— Шериф, у меня к вам одна просьба, — сказал Шон. — Не могли бы вы зайти на телеграфную станцию?

— Вы хотите отправить весточку в Бюро? Отчего же нет, два цента за слово.

— Отправьте телеграмму за счет получателя.

— Это еще что такое?

— Телеграфист должен знать. Новое правило служебной переписки между ведомствами.

Сообщите, что я отправился преследовать вора, заполучившего книгу. На слова можете не скупиться.

— Вы сказали, Бюро само заплатит за телеграмму?

— Верно.

— Ох, ну тогда я им распишу ваше приключение во всех красках и мелочах, можете не сомневаться.

Глава 4

1.

Положив в сумку завернутый в бумагу кусок пирога, Шон попрощался с Ганьоном, шерифом и отправился по проселочной дороге, ведущей к ферме некоего Джо Доусона. Дейзи оказалась лошадью спокойной и понятливой. Она охотно слушалась повода, держала ровный шаг и не пугалась, услышав шорох в кустах или над головой. Не то что отцовская Патти — мало того что своенравная, так еще и трусиха. Время от времени Шон повторял надоевшую процедуру: спешивался, привязывал лошадь, отходил, отсчитав для верности двадцать шагов, и присматривался к следам. Всякий раз желтая дымка по-прежнему тянулась над землей.

К вечеру над дорогой сгустился туман — такой густой, что не видно было верхушек сосен. Дождь, несмотря на нависшие тучи, так и не начался, но мог разразиться в любой момент. Шон спешился и отошел от лошади, чтобы в очередной раз проверить, не потерял ли он след.

Подул прохладный ветерок, позади хрустнула ветка. Оглянувшись, Шон увидел, что лошадь нервно переступает с ноги на ногу, будто чего-то испугавшись. Шериф Трюдо упоминал волков. А что, если бы один из этих хищников сейчас наблюдал за ним, прячась в густом подлеске? Зверь бросился бы на него из тумана быстрее, чем он потянулся бы к кобуре. От этой мысли по спине пробежали мурашки. Пожалуй, стоит осторожнее присматриваться к следам. Да и есть ли смысл? Вряд ли Фриску пришло в голову свернуть куда-то с этой дороги — по обе стороны над ней нависали кустарники, пробиться через которые было невозможно. Шон подошел к лошади.

— Тихо, тихо, — сказал он, погладив Дейзи по шее, и запрыгнул в седло. Каким-то образом за те несколько минут, что понадобились ему на проверку следа, стало заметно темнее. Он отстегнул от седельной сумки жестяной фонарь с металлической дужкой. Чиркнув спичкой, зажег фитиль. Рановато для лампы, но на душе стало спокойнее от пляшущего желтоватого света, разогнавшего мрак впереди. Лошадь фыркнула, потрясла гривой и, подчинившись наезднику, продолжила путь.

К тому времени, как дорога, преодолев подъем, резко пошла вниз, открыв вид на ферму Доусона, солнце скрылось за горизонтом, и мрачные тучи проронили первые капли дождя. Лес остался позади, уступив голому склону. Шон еще раз проверил след и убедился, что желтая дымка ведет вниз — к дому фермера. В темноте он разглядел очертания дома, загон для скота, хлев и немного в стороне — сарай.

Шон привязал лошадь к одному из двух столбиков, служивших воротами, и, держа фонарь в левой руке, приблизился к дому. Незапертая дверь поскрипывала на ветру, окна глядели на него непроглядной тьмой. Он ожидал услышать собачий лай, а затем беспокойное мычание коров, но дом встретил его тишиной. Тревожный холодок пробежал по спине Шона: либо Доусон отлучился по делам и еще не вернулся, либо Мэтью Фриск способен не только на воровство.

Фриск обокрал проповедника и скрывался от закона — это делало его беглым преступником. Ему грозила тюрьма, у него не было лошади, а после такой долгой дороги он был уставшим, злым и голодным. Возможно, он и пришел на ферму, чтобы найти еду и лошадь, а это уже куда серьезнее украденной книги. Если Доусон застал его на своей земле, он мог его и убить. Но что, если наоборот — Фриск убил фермера? Человеку, доведенному до отчаяния, обозленному голодом, куда проще совершить убийство.

Шон еще раз присмотрелся к следу: желтая дымка, совсем свежая, тянулась к дому. Коснувшись ее, он почувствовал все тот же страх, но уже более густой — человек боялся за свою жизнь. В небе вспыхнула молния, и следом ударил гром. Дождь зарядил сильнее, и след Фриска растаял на глазах.

Шон еще раз убедился, что принял правильное решение: если бы он сначала телеграфировал в Бюро и дождался ответа, ему не удалось бы найти преступника. Он уже не думал о Фриске, как о воре. Воображение нарисовало мрачную картину: сейчас он откроет дверь и увидит лужу крови, растекшейся из-под безжизненного тела Доусона. Когда человек умирал, его след исчезал вместе с ним. Были ли рядом с домом следы Доусона, а соответственно, был ли он жив, проверить уже нельзя — можно посмотреть внутри. Шон нервно сглотнул и вспомнил Холлистера. Сейчас бы его присутствие точно не помешало.

2.

Открыв дверь, он присмотрелся и увидел два следа, не тронутых дождем: желтый след Фриска и свинцовый, по-видимому, Доусона. Стало быть, хозяин жив. У Шона отлегло от сердца, но вдруг в комнате с приоткрытой дверью — той самой, куда тянулся свежий желтый след, — раздался глухой стук. По-прежнему держа фонарь в левой руке, правой Шон расстегнул кобуру и достал револьвер. Он поднял его на уровень глаз и взвел курок — щелчок показался неожиданно громким.

— Мэтью Фриск, я знаю, что вы здесь! — крикнул он наконец. Собственный голос прозвучал, словно чужой. — Я агент Федерального бюро, выходите с поднятыми руками, дом окружен! — Этому приему он научился еще в полиции Нью-Аламарка.

Сейчас раздастся жалобный восклик — преступник скажет, что готов сдаться, только не стреляйте. Он выйдет с поднятыми руками, заплаканным лицом, признается в краже, даже не пытаясь ничего отрицать, вернет книгу, которая и впрямь окажется запретной. Останется только стянуть ему запястья веревкой и доставить в Дастфорд. Вот только ничего этого не произошло.

Ответа не последовало, и Шон, сделав глубокий вдох, пинком открыл дверь и ввалился в комнату с оружием наготове. Прохладный ветер и весенний запах свежевспаханной земли ударили ему в лицо: окно открыто настежь, белая занавеска колышется в воздухе, словно призрак. Шон опустил револьвер. Поставив лампу на низкий столик, он осмотрел комнату, выглянул в окно и убрал оружие в кобуру — желтый след исчез за окном, где растаял под потоком дождя. Фриск ушел — Шон все-таки не справился с первым заданием. Придется вернуться ни с чем. Вряд ли его станут ругать, он все же сделал все, что смог, да и преступник не того масштаба, чтобы из-за него переживать. Но ощущение на душе было неприятное — карьера в Бюро не задалась с самого начала. Ну хотя бы обошлось без смертей, а то воображение уже успело превратить вора в убийцу, а фермера — в его жертву.

Снова ударил гром, в загоне замычали коровы, и Шон услышал шаги на пороге. Черт возьми, не хватало еще, чтобы хозяин дома застал его здесь и пристрелил с испугу. И ведь с точки зрения закона он окажется прав.

— Мистер Доусон! — воскликнул Шон, подняв руки. — Меня зовут агент Грей, я из Бюро. В вашем доме... — Он осекся.

На пороге показался высокий худощавый мужчина в сером плаще и шляпе, с которой все еще струилась дождевая вода. Его холодные глаза вперились в Грея без всякого страха или недоумения, свойственного человеку, в чей дом вломился незнакомец. Лицо его, будто высеченное из гранита, не выражало никаких чувств. Шону показалось, что глаза у этого человека были разного цвета — правый выглядел темнее. Прошло мгновение, и внезапно лицо ожило, будто очнувшись от сна, брови поднялись вверх, изображая удивление.

— Что случилось в доме, мистер Грей?

Сапоги и штаны Доусона были вымазаны в грязи, оружия при нем не было — необычно для фермера. К тому же впору было раздаться собачьему лаю, но если где-то поблизости и был пес, то он помалкивал. Шону пришла в голову нелепая мысль, что хозяин дома отлучался, чтобы прикончить своего старого, умирающего от недуга пса. Но опять же, где тогда его ружье?

— В вашем доме спрятался вор, — продолжил Шон. — В этой комнате. — Он указал на дверь за спиной.

— Это все, что мне нужно знать.

— Пойдите, вор уже...

Громкий лай заставил Шона вздрогнуть. Входная дверь с грохотом распахнулась, хозяин дома обернулся и увидел дуло пистолета, направленное на него коренастым старичком с окладистой бородой. Глаза неожиданного гостя горели двумя гневными огоньками. Одной рукой он держал оружие, а другой — веревку; большой белый пес, отчаянно пытаясь вырваться, злобно лаял и клался зубами.

— Простите, кто вы такой? — недоуменно воскликнул Шон.

— Это я кто такой? — Старик вытаращил налившиеся кровью глаза. — Я, черт возьми, Джо Доусон, хозяин этого дома, а вы проваливайте к чертям или я вас обоих пристрелю и скормлю Споту. Погоди-ка... — добавил он, вглядываясь в лицо мужчины, которого Шон принял за хозяина дома. — Клиффорд? — спросил он удивленно.

Холлистер однажды сказал, что бывают ситуации, когда от гибели человека отделяет секундное промедление, дрогнувшая рука, сомнение, неуверенность. Не так важно быстро выхватить пистолет из кобуры; зачастую в перестрелке погибает не тот, кто медленнее достал оружие, а тот, кому не хватило решимости им воспользоваться. Доля секунды понадобилась Шону, чтобы понять, что сейчас как раз и был такой случай. Он отпрянул в комнату, через которую сбежал Фриск, на ходу хватаясь за револьвер. Человек, которого он принял за хозяина дома, резко взмахнул рукой. Грянул выстрел, и вместе с ним раздался хруст — настоящий Доусон резко отлетел к стене, словно отброшенный быком. Пес, почувствовав ослабший поводок, бросился на незнакомца. Острые зубы сомкнулись на лодыжке чуть выше сапога, зверь задергал головой из стороны в сторону. Любого человек взвыл бы от боли, но незнакомец положил ладони на шею животного и крутанул так сильно, что пес лишь коротко взвизгнул и, разжав хватку, обмяк. Его хозяин лежал у стены с проломленным черепом, лужа крови растекалась по полу.

Убийца повернулся к Шону, взгляд его был бесстрастным, нечеловеческим, отдающим замогильным холодом.

Шон попятился к окну, едва не поскользнувшись на мокром от дождя полу. Справившись наконец с кобурой, он поднял дрожащими руками револьвер. Ему еще никогда не доводилось стрелять в человека. Пусть незнакомец и убил только что фермера и его собаку, Шон, наводя на него оружие, чувствовал себя так, будто делает что-то ужасное, мерзкое, от чего после невозможно будет отмыться. Первый выстрел грохотом и отдачей привел его в чувство, и он нажал на спусковой крючок еще два раза.

Одна пуля попала убийце в левое плечо, заставив его отшагнуть назад, но тот будто бы не испытывал боли. Остальные две угодили мимо. Прав был Холлистер: стрелка хуже него не сыскать во всей Федерации. Убийца бросился на Шона, но тот выстрелил еще трижды, пока барабан «Карлтона» не опустел — первая же пуля сбросила фонарь со стола. Керосин разлился по полу, и в щели между досками поднялся слабый огонь, прочертивший границу между Шоном и убийцей. Едва ли грозивший пожаром, огонь тем не менее произвел на последнего неожиданный эффект. Словно волк, не решающийся приблизиться к костру, он метнулся сначала влево, затем вправо, после чего, не понимая, как преодолеть это препятствие, отпрянул назад

— в это мгновение ноги его взмыли вверх. Поскользнувшись на собственной крови, убийца обрушился вниз так резко, будто из-под него выдернули ковер.

Шон понял, что сейчас нужно добить противника, но руки его так тряслись, что у него не было ни единого шанса зарядить револьвер до того, как убийца поднимется. Вспомнив, куда вел след Мэтью Фриска, он развернулся и прыгнул меж танцующих на ветру белых занавесок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.